

Анна
Дашевская

ЛИЦО
ПОД
МАСКОЙ

Анна Дашевская
Лицо под маской
Серия «Хроники Союза
королевств», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56263834

Лицо под маской: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-104694-1

Аннотация

У меня были дом, собственная клиника и ученые степени по одной из престижнейших и самых денежных специальностей – магической пластической хирургии. Все это осталось в империи Новый Свет, а я, Нора Хемилтон-Дайер, оказалась в Венеции во время карнавала. В конце концов, если уж начинаешь новую жизнь, то в ней самое место неожиданностям. Я обзавелась странными и опасными знакомыми, разговариваю с рыжим котом, танцую на балах и меняю костюмы и маски. Bauta, Colombina, Medico della Peste, Volto – какая из личин мне подойдет? И что я увижу в загадочном старинном зеркале, когда открою лицо?

Содержание

Глава 1. Bauta Casanova	6
Глава 2. Gatto	62
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Анна Дашевская

Лицо под маской

Я погладила ладонью шелковые обои и усмехнулась: мессере Джованни Дандоло сумел создать нечто непреходящее из временных материалов. Мрамор ведь тоже не вечен, «ржавеет золото, и истлевает сталь...»¹

Джованни выстроил свой дворец на острове посреди лагуны, дабы никто не смог войти в его дом незванным. Все пятьсот шестнадцать лет своей жизни мессере Дандоло, маг воды, один из десяти соправителей Серениссимы, до смерти пугал врагов и был, говорят, невероятно милостив к друзьям и просто к слабым. Недаром на его личном гербе рычал золотой лев, защищающий детеныша.

Станный, вообще говоря, набор качеств для венецианского патриция.

Жаль, что я на двести лет опоздала со своим рождением, думаю, я бы стала его горячей поклонницей.

Увы, единственный сын великого мага погиб совсем молодым при загадочных обстоятельствах, а внук обладал весьма слабыми способностями к магии. В дедовом палаццо Руджеро Дандоло предпочел устроить отель, передал управление им наемному персоналу, а сам переехал в империю Новый Свет.

---

¹ Ахматова А.А. Кого когда-то называли люди... (Здесь и далее прим. авт.)

Комната, в которой я разместилась, была когда-то малой гостиной супруги мессере Джованни, Франчески; с тех времен сохранились высокие, слегка облупившиеся зеркала между стрельчатыми окнами, зеленые шелковые обои, золоченые обводы дверей, фреска на потолке и десюдепорт², изображавшие модных когда-то пастушек и пастушков. С того же времени остался и мраморный камин, растопленный сегодня по случаю холодного февральского ветра со стороны лагуны.

Камин доедал последние страницы моей статьи, которую я уже не стану отправлять в «Вестник магической косметологии и пластической хирургии».

---

² Панно, расположенное над дверью.

Глава 1. Bauta Casanova

Возвращаясь в свой номер после завтрака, я рассеянно кивнула человеку на ресепшене и сделала шаг в сторону лестницы, когда портье окликнул меня:

– Синьора! Простите, ваша почта!

– Почта? – удивилась я. – Странно, я вроде бы не жду никаких известий...

– О, синьора, это местная почта. Из Ка'Градениго.

Еще более странно. Я очень удивилась бы, получив известия из клиники или из дому, поскольку просто сбежала из Бостона, не оставив координат. Но письмо от кого-то в Серениссиме, городе, где я впервые?

Я взяла конверт. Плотная рельефная бумага, в правом верхнем углу вытиснен зеленым и золотом герб: грифон, держащий в клюве оливковую ветвь. Под грифоном девиз: «Post tenebras lux»³. Четким почерком на всеобщем адрес: «Отель “Палаццо Дандоло”, синьоре Хемилтон-Дайер». Надо же, даже имя не переврали.

Портье протянул мне резной костяной нож для бумаг.

– Спасибо, – улыбнулась я и вскрыла конверт.

Письмо было написано (да-да, написано, а не напечатано!) тем же четким почерком на бумаге с тем же гербом и при-

---

³ «После мрака свет»

глашало синьору Хемилтон-Дайер, то есть меня, посетить Chiocollata Danzante завтра вечером, после десяти, во дворце Градениго. Приглашение было на двоих.

– Очень странно, – я посмотрела на портье. – А что такое Chiocollata Danzante? Впрочем, нетрудно догадаться, шоколад и танцы, не так ли?

– Вы совершенно правы, синьора, – вновь поклонился портье.

– И что мне с этим делать?

– Подбирать костюм и маску, синьора. Вам удобно будет посетить ателье Флавиа сегодня в полдень? Тогда при необходимости останется еще время, чтобы подогнуть платье.

– Ну... пожалуй, да, благодарю вас. Но подождите, ведь приглашение на два лица. Получается, я не могу идти на бал без спутника, а здесь, в Венеции, у меня нет знакомых!

– Это не проблема, синьора. Вас будет сопровождать *accompagnatore temporaneo*, в плаще и бауте разумеется.

Сопровождающий на один раз, перевела я для себя. Почему бы нет?

Начать новую жизнь с бала-маскарада, это, по крайней мере, оригинально. Я направилась было к лестнице, но портье продолжил говорить:

– Если позволите, синьора, я рекомендовал бы вам на три-четыре дня воспользоваться услугами *consigliere*... советчика, если можно так выразиться. Вы ведь не просто туристка, которая завтра упорхнет куда-нибудь в Галлию или Дой-

чланд. Вы здесь задержитесь, а значит, вам нужно знать, что стоит, а что не стоит делать там, — он кивнул в сторону лагуны, за которой высился Дворец дождей, — в Городе.

— Вот как... — я медленно вернулась к стойке рецепции. — И это будет тот же самый человек, который должен сопровождать меня на вечер с шоколадом?

Если он скажет «да», я немедленно уеду из этого отеля, поняла я. Но портье был искренне возмущен таким предположением:

— Ну что вы, синьора! Как можно! Встретьтесь с consigliere, это ни к чему не обязывает ни вас, ни, кстати говоря, его самого. Синьор Лаварди не со всеми соглашается работать.

— Хорошо, — я кивнула. — Давайте попробуем.

— Благодарю вас, синьора! Думаю, через час-полтора он придет.

— Скажите мне еще вот что, синьор... — я поискала на лацкане его форменного пиджака табличку с именем, но ее не было.

— Меня зовут Антонио, синьора.

— Синьор Антонио, а почему никого нет? Мы с вами беседуем уже полчаса, и за это время никто не выходил сюда, в лобби.

Портье позволил себе снисходительную ухмылку.

— Дело в том, синьора Хемилтон-Дайер, что все эти люди, — он очертил рукой круг, захватывающий, кажется, всю

территорию отеля, – все эти tedeschi и другие туристы отправились на Сан-Марко смотреть полет голубки. Пфф! Церемония для плебса! Вы увидите совсем иную Серениссиму.

Вернувшись в номер, я перечитала приглашение и снова удивилась красоте почерка. Значит, бал-маскарад... Говорят, костюмы и маски в венецианских ателье стоят целое состояние, а самые большие энтузиасты заказывают их за год. Вот просто в последний день карнавала приходят в ателье и придумывают то, в чем будут танцевать через год.

Цена будущего наряда меня не особо волновала, благодарение богам, денег у меня больше, чем нужно одинокой женщине, не ведущей светской жизни. Я унаследовала неплохое состояние от отца и получила еще одно после смерти мужа. Впрочем, даже если бы они ничего мне не оставили, я могла заработать своими руками и головой сколько угодно: пластические хирурги, владеющие еще и медицинской магией, бедными не бывают.

Наверное, я задремала в кресле у окна с видом на город, иначе почему от резкого звонка внутренней связи сердце мое заколотилось, как заячий хвост?

– Синьора Хемилтон-Дайер, вас ожидают в баре нашего отеля, – сообщил мягкий женский голос.

И что я так всполошилась?

В конце концов, если мне не понравится этот синьор... как его? Лаварди, я всегда могу мило улыбнуться и сообщить, что у меня изменились планы. Мои планы могут изме-

ниться даже так сильно, что я закрою чемодан, отправлюсь на станцию и сяду в первый попавшийся поезд.

Я ополоснула лицо холодной водой и взглянула в зеркало. Увиденное мне не понравилось.

Синьор Лаварди был похож на любимого дядюшку. Ну, у меня лично был именно такой любимый дядюшка, двоюродный брат отца. Дядю Руфуса в семье никто и никогда не принимал всерьез. Вот он точно так же осыпал сигарным пеплом лацканы пиджака, и цветной шелковый платок в нагрудном кармане, и морщинки у уголков глаз у него были похожие.

Consigliere встал, здороваясь, и оказался высоким и худым, словно складной метр.

– Итак, синьор Лаварди? – спросила я самым деловым тоном.

– Итак, синьора, – передразнил меня собеседник и неожиданно засмеялся. – Я весь в вашем распоряжении. Как мне сообщил наш дорогой Антонио, у вас завтра Chiocollata Danzante в Ка’Градениго и для начала вам нужно подобрать наряд?

Ателье Флавиа сверкало витриной на calle de le Becarie, однако гондола подвезла нас к водному подъезду, со стороны sotoportego de ca’Dorso. Я уже знала, что вход с воды считается здесь более почетным. За двадцать минут в гондоле от причала «Палаццо Дандоло» до этого sotoportego синьор Ла-

варди успел рассказать мне о некоторых тонкостях жизни в городе; пожалуй, возникло ощущение, что информация меня уже переполняет.

Хозяйка ателье, синьора Паола Флавиа, смотрела на меня без особой приязни, постукивая указательным пальцем по выпяченной нижней губе. Потом повернулась к моему сопровождающему, и пальцы ее быстро замелькали в воздухе, ведя разговор на тайном языке жестов. Я не удивлялась: два моих старших кузена освоили подобный язык во время службы в армейской разведке и кое-каким жестам даже научили меня. Синьор Лаварди отвечал редко и коротко, но, по-видимому, был убедителен, так что через короткое время дама вновь посмотрела на меня и сказала вслух:

– Ну, хорошо. Значит, *Chiocollata Danzante*, и будет это завтра.

– В Ка’Градениго, Паола, – многозначительно сказал мой *consigliere*.

Обойдя меня, будто колонну, она задумчиво постучала себя пальцем по подбородку.

– Серые глаза, светлая шатенка, кожа чуть смуглая... Вы, наверное, носите голубое и синее, синьора?

В ее голосе мне послышалось слегка прикрытая снисходительность, я разозлилась и ответила резко:

– В основном я ношу зеленое! Хирургическую робу. А в свободное время, которого немного, надеваю джинсы и то, что попадется под руку.

– Понятно, – откликнулась синьора Флавиа, нисколько не обидевшись. – Черное и белое, вот так мы попробуем. Джованна! Принеси «герцогиню Сфорца» и все, что положено!

Я хотела упереться: что такое, вокруг полно дивных платьев всех цветов радуги – малиновые, золотые, бирюзовые, – а меня, словно монахиню, упихивают в ахроматическую гамму. Но потом мне стало любопытно, что ж за платье названо именем знаменитой герцогини?

Черный шелк, шитый серебром. Белое кружево манжет и широкого стоячего воротника, сверкающее серебром и мелкими стразами. Черный плащ с объемным капюшоном и треуголка, отделанная серебряным галуном.

И корсет, мамочки!

– А неплохо, – с одобрением сказала синьора Флавиа, осматривая меня со всех сторон. – Весьма неплохо. Осталось подобрать маску.

– Возможно, у госпожи Хемилтон-Дайер есть какие-то предпочтения? – вежливо поинтересовался синьор Лаварди, одновременно продолжая выплетать пальцами кружево тайной речи.

– Джованна! Принеси второй и третий наборы! – закричала хозяйка ателье, и еще прежде, чем эхо ее голоса затерялось в складках платьев, немолодая помощница внесла две подставки с масками.

Я затаила дыхание. До меня вдруг дошло, что с завтрашнего дня в этом городе можно не снимать маску вообще.

Быть без лица. Без имени. Без биографии, анкетных данных, перечня научных достижений, списка использованной литературы. Медленно я протянула руку к белой маске, полностью закрывающей лицо. Нижняя часть ее была выдвинута вперед длинным и довольно уродливым клином.

– Это баута, синьора, – мягко проговорил Лаварди. – Отличный выбор, именно то, что нужно к tricorno. Только, позволю себе заметить, белую бауту носят летом, зимой же полагается черная. Вот, например, такая.

И он протянул мне черную маску, украшенную алыми ограненными кристаллами.

Я приложила маску к лицу и повернулась к зеркалу. Там отражалась совершенно не знакомая мне дама, лицо которой искажал и немало уродовал клин, клюв, выпяченный подбородок. Мой глаз хирурга, специалиста по красоте, это резало ужасно.

– Синьор Лаварди, а почему эта... баута имеет такую странную форму? – спросила я, пока госпожа Флавия завязывала на затылке ленты маски, закрывала мои волосы шелком и кружевами и водружала треуголку поверх платка.

– Это очень просто, синьора. Благодаря этой детали, кажущейся вам столь странной, вы сможете есть и пить, не снимая маски. Кроме того, она изменит ваш голос.

– Изменит голос, – повторила я, продолжая глядеть, как в зеркале приобретает пугающую реальность черно-белая фи-

гура, на бауте которой сверкают алые капли. – Очень интересно. Скажите мне вот еще что, я ведь могу носить и мужской костюм?

– Разумеется, синьора! – ответили в один голос мои советчики.

– Тогда хотелось бы примерить... ну, скажем, вот этот, – не глядя, я ткнула пальцем и попала в лазурно-синий камзол, отделанный бледно-голубым шитьем и белоснежными кружевами.

В гондоле синьор Лаварди снова сел напротив меня и спросил:

– Могу ли я предложить вам отличное место, чтобы пообедать? Вам понравится.

Я взглянула на часы: оказывается, в ателье мы провели гораздо больше времени, чем я предполагала, стрелка подползла к половине шестого. Ну да, уже почти стемнело...

– А нас сейчас покормят где-нибудь? – с сомнением спросила я. – Мне говорили, что в Лации все рестораны закрываются в половине третьего и будут открыты уже только к вечеру. Вообще-то, конечно, есть хочется.

Есть хотелось просто зверски, честно говоря. Завтрак был давным-давно, еще утром, а с тех пор мне перепали только чашка кофе с крохотной печенинкой, принесенные одной из мастериц в момент смены костюма.

– Покормят, – кивнул мой *consigliere*. – Конечно, вам не

принесут раззолоченного меню на десяти языках, что так любят туристы. Уж что приготовили сегодня, то и подадут. Но зато это будет настоящая венецианская кухня, никаких штук с юга.

Слово «юг» было выплюнуто синьором Лаварди с таким презрением, что я поклялась себе самой страшной клятвой: никогда при нем не признаваться в своей любви к пище.

Настоящая венецианская кухня на сегодня была представлена *sarde e saor* – сардинами, обжаренными в масле с луком, изюмом и орешками пинии. Их сменило *risotto de go*, затем хозяйка, суровая старуха в черных кружевах, подала телячью печень. Белое вино, чуть-чуть пенящееся, разливалось из холодного, запотевшего стеклянного кувшина. Третий его бокал привел меня в состояние примиренности со всем миром, которого так долго не удавалось мне добиться дома, в Бостоне.

Все-таки это была траттория, и хозяйка принесла счет – несколько нечитаемых закорючек на листке бумаги из блокнота в клеточку. Впрочем, сумма выглядела просто смешной, что-то полтора дуката за все, и я даже не стала разбирать написанное.

Мой спутник о чем-то вполголоса заговорил с женщиной, и я отошла к воде. Совсем узкая *gia* вытекала из-под горбатого мостика слева от меня и уходила под такой же мостик справа. Я смотрела на тот, что слева, где, освещенная фонарем, увлеченно целовалась парочка: девушка в пышных

длинных юбках и ярком плаще и молодой человек в джинсах и куртке. Мой взгляд привлекло светящееся пятно на воде. Источник света неспешно выплыл из тени мостика. Когда он приблизился ко мне, я разглядела серебристую маску, повторяющую человеческое лицо; там, где была бы надета шляпа, горела свеча, перевитая черной лентой.

Наверное, я вскрикнула, потому что синьор Лаварди мгновенно оказался возле меня.

– Что случилось? – но тут он и сам увидел причину моего испуга и помрачнел. – Пойдемте, синьора Хемилтон-Дайер. Это послание адресовано не вам...

Когда гондола привезла нас в «Палаццо Дандоло», темнота залила лагуну. Небо было затянуто тучами, и гондольер озабоченно поглядывал вверх, торопясь достичь отельного причала.

– А что, плыть в дождь опасно? – поинтересовалась я.

– Нисколько, – бодро ответил синьор Лаварди. – Но если Массимо не успеет до дождя, мы с вами промокнем, и я буду недоволен.

Даже в слабом свете фонаря, висящего на свае, можно было разглядеть, как дрогнули плечи гондольера.

Впрочем, мы прекрасно успели: дождь обрушился на город в тот момент, когда за нашими спинами закрылась тяжелая дубовая дверь «Палаццо Дандоло» и навстречу с улыбкой поспешил уже известный мне Антонио.

– Добрый вечер, синьора Хемилтон-Дайер! Синьор Лаварди, buona notte! Синьора, ваши покупки доставили, Лидия разобрала пакеты и повесила все костюмы. Там в паре мест было слегка помято, она разгладила.

– Спасибо, – я удивилась. Вроде бы хозяйка ателье собиралась что-то еще подгонять по моей фигуре. И уже все привезли?

– Ну что же, – голос у синьора Лаварди был уставший, и меня начала грызть совесть. Он ведь раза в два старше меня, а я чувствую себя так, будто провела три серьезных операции... – На сегодня я прощаюсь с вами. Завтра, надо полагать, вы захотите прогуляться по городу? Я бы советовал вам начать с окрестностей Риальто, дойти пешком до Сан-Марко и вернуться в отель, чтобы пообедать и отдохнуть перед вечером. Массимо будет в вашем распоряжении.

– Спасибо, синьор Лаварди, я так и сделаю. Я хотела бы отправиться завтра на прогулку в костюме. Это не нарушит правила?

– Нисколько! С сегодняшней полуночи и до конца карнавала можно все, – consigliere улыбнулся. – Завтра будет солнечно и прохладно, не забудьте плащ и tricorno. Я приеду в отель вечером, к восьми часам, чтобы рассказать немного о завтрашнем Chiocollata Danzante, о Ка’Градениго и его хозяевах.

Усталость ли была тому виной, или лишним оказался тот

самый третий бокал вина, но мне приснился сон. Это было странно уже хотя бы потому, что сны я никогда не помню. Наверное, вижу, все видят; но у меня обычно утром, после пробуждения, не остается даже отзвуков того, что я видела ночью. А вот сегодняшний сон запомнился, и запомнился в деталях...

Мне снилось, что я – кот. Не кошка, нет, во сне я твердо знала это. Кот по имени Руди.

Кот легко вспрыгнул на подоконник, проник в узкую щель приоткрытого окна, едва не запутавшись в легкой прозрачной занавеске, и наконец бесшумно спрыгнул на пол. В глубине большой комнаты спала, отвернувшись к стене, женщина. Предутренняя тьма скрывала все детали, даже цвет волос, но это и не было нужно незваному гостю: во-первых, он отлично видел даже в полной темноте, а во-вторых, и без того знал, что попал именно в ту спальню, куда было нужно попасть.

Окон в комнате было три: левое, через приоткрытую створку которого кот и просочился; правое, точно такое же, но плотно закрытое; центральное, более высокое, увенчанное стрельчатой аркой, кажется, и вовсе невозможно было открыть. Возле правого окна стоял письменный стол, именно он интересовал визитера. Руди запрыгнул на стол и обследовал стопку бумаг, лежащую слева; лапой аккуратно отодвинул верхние три или четыре листка и наконец добрался до предмета своего интереса. Письмо на плотной дорогой бу-

маге все еще несло какой-то свежий запах, то ли скошенной травы, то ли арбузных корок, то ли свежевыпавшего снега. Кот разжал пасть и аккуратно положил на письмо тонкую белую нитку, которую до этого держал в зубах.

Его миссия была выполнена.

Сидя на прохладном темном дереве столешницы, кот наскоро умылся, прыгнул на пол и подошел к высокому, в человеческий рост, зеркалу в золоченой раме. В гладком стекле отразилась рыжая морда, желтые наглые глаза, порванное левое ухо, длинный полосатый хвост – словом, все, что и должно было быть.

Занавеска даже не шелохнулась, когда Руди снова оказался на подоконнике и вытек за окно. Ему предстояло забиться под сиденье так, чтобы, даже поправляя бархатные подушки, гондольер его не заметил, дожидаться наступления утра и доплыть неучтенным пассажиром до Риальто, но это уже были мелочи.

Я проснулась рано, когда было совсем темно, серенький рассвет еще даже не думал стучаться в окна. Полежала минуту, пытаюсь понять, откуда взялся рыжий кот и куда он делся. Потрясла головой, умылась, и только тогда сообразила: Руди бродил именно по этой комнате. Вот в это окно он влез, пока я спала, вот в это зеркало смотрелся. Ну да, конечно, и бумаги на столе сдвинуты и лежат совсем не так, как я их оставляла. Я подошла к столу, щелчком пальцев зажгла в воздухе

неяркий фонарик и бегло, ни к чему не прикасаясь, осмотрела стол. Да, все верно: рыжий кошачий волос лежит на проспекте отеля.

Интересно, и каким образом получилось, что я смотрела сон глазами забравшегося ко мне в комнату кота?

Ладно. Проверим, что же он мне оставил.

При внимательном осмотре стало понятно, что тонкая белая нитка прилипла к приглашению на сегодняшний вечер в Ка'Градениго.

Погасив фонарик, я снова легла, закуталась в одеяло и стала размышлять. Об артефакторике я кое-что знаю, в моей работе без некоторых амулетов не обойтись. Что можно привязать к тонкой и недлинной нитке, шелковой, судя по блеску? В голову пришел только маячок. Ничего зловредного типа проклятия на болезнь или даже банальный насморк не привяжешь, слишком эфемерный носитель. Подглядывающее или подслушивающее устройство тоже не прокатит, формула заклинания просто не удержится на тоненькой ниточке. Наверное, удержалось бы что-то типа насланного пожара, но, опять же, на таком ничтожном носителе это заклинание должно было подействовать практически сразу за активацией. А после визита Руди прошло уже часа два, не меньше. Значит, все-таки маячок. То есть кто-то хочет на сегодняшнем вечере гарантированно опознать меня под маской.

Следующий вопрос: что делать с этой ниткой? Снять и вы-

бросить или оставить и сделать вид, что я ничего не заметила? Стоит ли вообще мне опасаться того, что кто-то неведомый узнает меня среди нескольких десятков замаскированных дам и кавалеров?

Встречный вопрос: а что он может мне сделать? На балу, в ярком свете, или по дороге в лодке, при гондольере и сопровождающем, — да ничего, пожалуй. Уж если бы хотели навредить, ничто не мешало войти в номер, пока я сплю. Кот же вошел? Да и вообще, я не пятнадцатилетняя дебютантка, видывала всякое. Не хочу пугаться, хочу узнать, кто это сделал и зачем. И я снова заснула, теперь уже без сновидений.

После завтрака я переоделась в костюм — тот самый, мужской, лазурно-синий с кружевным жабо и манжетами. Заплетала волосы в косичку, завязала синей лентой в тон камзола, подобрала покороче. И наконец, надев треуголку, подошла к зеркалу.

Ощущение было не таким, как в ателье. Я совсем по-другому себя увидела. Нет, поправка: в зеркале я видела не себя, а малознамого молодого человека, одетого по моде былых времен. Прошлась по комнате, вошла в невысокие сапожки, купленные там же, у синьоры Флавии. Попыталась представить себе, как выйду на улицу в ярком, словно перо сойки, костюме и маске, и вдруг испугалась. Это я, Нора Хемилтон-Дайер, известный пластический хирург, вдова миллионера, дочь светской дамы из чопорного Бостона? Вот мои

затверженные роли, куда ж я влезаю под свет рампы?

Еще минута, и я бы сняла костюм, поэтому, быстро нахлобучив треуголку, я схватила маску и выбежала из номера, будто за мной гнались.

Невозмутимый портье – сегодня это был не Антонио, а другой – пожелал мне приятной прогулки. Гондольер Мас-симо сидел на скамье возле причала, опираясь на стену павильона и надвинув на глаза шляпу-канотье с красной лентой. Я откашлялась, и он вскочил на ноги.

– Синьора, доброе утро! – вежливо поклонившись, Мас-симо успел окинуть меня вполне мужским оценивающим взглядом и одобрительно повел бровью. На душе у меня стало чуть легче: если гондольер не выказывает ни грана удивления, значит, мой костюм не так уж выбивается из нормальной действительности.

Гондола сегодня была другая – не просто узкая лодка с высоко приподнятыми носом и кормой, нет, в середине ее размещалась... будка? Маленький домик, вроде как в паланкинах, выкрашенный такой же черной краской, как и борта гондолы. Молодой человек подал мне руку, помогая шагнуть через борт, и я с удобством расположилась на алых бархатных подушках, глядя в окно.

Вчерашний дождь сменился солнцем, но не ярким, жарящим и всепроникающим. Сегодня Серениссима была залита рассеянным сквозь легкую дымку золотым утренним све-

том, окрашивающим поверхность воды и стены дворцов в нежные оттенки розового.

Массимо ловко накинул канат на полосатый причальный столбик, помог мне выйти из черной будки и перебраться на деревянные мостки причала.

– Я вам пока не нужен, синьора? – спросил он вежливо.

– Нет, я хочу прогуляться, – сказала я невнятно, так как в этот момент пристраивала на лицо маску.

– Тогда вот мой номер коммуникатора. Как только я понадобится, звоните.

Поклонившись, он лихо перепрыгнул назад, на корму гондолы, и тут же отчалил.

«Коммуникатор, – подумала я, в ступоре сжимая бумажку с номером. – А взяла ли я свой коммуникатор?»

Похлопала по бокам камзола, с радостью обнаружила не только коммуникатор, но и другие предметы, связывающие меня с современностью: чековую книжку, мешочек с монетами, идентификационную карту, карточку с адресом отеля... Слава всем богам, сейчас февраль 2184 года от Открытия Дорог, и мой лазурный костюм сшит на вполне современной швейной машинке.

Я огляделась вокруг: вопреки моим мрачным ожиданиям, я не выглядела белой вороной. И синей тоже. В толпе вокруг были еще люди в самых разных старинных платьях и масках, в плащах, треуголках или кокетливых шляпках с перьями. На том берегу Гранд-канала уличный музыкант играл на

скрипке, прямо передо мной на небольшом пяточке выступали жонглеры и акробаты. Люди смеялись, что-то выкрикивали, покупали и тут же надевали маски. Карнавал бурлил.

Пройдясь по мосту Риальто, я заглянула в расположенные на нем ювелирные и парфюмерные лавочки, но цены в них явно были рассчитаны на мимоезжих туристов. Потом, не торопясь, следуя указаниям ярких крупных указателей, нарисованных прямо на стенах домов, отправилась по направлению к площади Святого Марка. Свернула в какой-то тупик, увидела небольшую вывеску с изображением треугольника, вписанного в круг, традиционного знака артефакторов. Зашла туда... и пропала.

Вот же тьма, если бы я знала, что эти водные маги создают такие вещи, я бы давно сюда наведальась! Ну, например, амулет, останавливающий кровотечение строго на определенном участке операционного поля – какая ценная вещь, я-то знаю. Сколько раз делала ринопластику, поминутно осушая мгновенно заливающуюся кровью зону вокруг носа, столько и ругала наших артефакторов, не сообразивших сочетать зажим и водное заклинание. Я разбежалась было купить сразу десяток таких амулетов, чтобы отправить в клинику, но тут вспомнила, что могу туда и не вернуться... Еще ничего не решено.

Ну и ладно, неважно, для себя я возьму пару штук. Оперировать-то я ведь все равно не перестану. Мало ли что, вот

завтра выйду к завтраку, а портье вручит мне письмо от какого-нибудь местного аристократа с просьбой немедленно помочь. Или, наоборот, от директора сиротского приюта...

В общем, у артефактора я провела часа полтора и оставила немалое количество денег. Попросив отправить покупки в отель, я вновь надела маску и пошла в сторону главной площади города. Потихоньку пошла, останавливаясь у каждой витрины и заглядывая в любую попавшуюся *calle* или *rugetta*. Столкнувшись со мной возле ювелирной лавки дама в нежно-розовом платье с кружевами зябко куталась в теплый плащ, но тем не менее мы долго обсуждали достоинства выложенных на белом бархате колец и ожерелий. Наконец я отправилась дальше, а дама в розовом, пробормотав что-то вроде: «Я же должна примерить», толкнула входную дверь ювелира.

На площадь я вышла как-то неожиданно для себя. Вот только что шла по узкой улочке-*calle*, то и дело задевая краем плаща такой же плащ, подол широкой юбки, кирпичную стену или чьи-то модные джинсы, — и вдруг в лицо ударил порыв соленого ветра, смешанного с волной музыки и запахом кофе, ванили и шоколада. Сверкнуло золотом и лазурью слева, и в один стук сердца я увидела собор, Кампаниллу, столики кафе, витрины, белые смокинги оркестрантов и широкую площадь, заполненную людьми. Самая элегантная гостиная Европы, площадь Святого Марка.

Остановилась, держась за спинку подвернувшегося под

руку стула, потому что отчего-то замерло сердце, вздохнула поглубже...

– Чашку шоколада, синьора? – подлтевший официант уже отодвигал стул и усаживал меня лицом к площади.

Да, вот тут я высоко оценила выбранную мною бауту. Пусть в профиль физиономия в ней напоминает черного бульдога, написанного в стиле кубизма, зато она позволяет поднести к губам тонкую белую чашечку с шоколадом, а потом отправить следом за тягучим горьковатым напитком крохотное печенье с начинкой из орехов и апельсинового джема, или мармеладные ягоды, или белоснежные меренги...

Выцедив из чашки последние капли шоколада, я достала коммуникатор и вызвала Массимо. Кажется, за несколько часов прогулки я устала так, словно все это время простояла у операционного стола.

Свертки и коробки из лавки артефактора, два пакета с новыми масками, пухлый сверток с плащом... Сегодняшние мои покупки, уже доставленные в отель, занимали половину немаленького номера. Ужасно хотелось примерить плащ, он мне понравился необычайно – более широкий, чем мое домино, тоже черный, но с подкладкой насыщенного оранжево-розового цвета. Фокус в том, что плащ можно было вывернуть, и сразу стать другим человеком.

Я героически сунула все пакеты и сумки в шкаф, не рас-

паковывая, и прилегла: до встречи с синьором Лаварди оставалась всего пара часов, а отдохнуть мне было просто необходимо.

Час сна, контрастный душ и чашка кофе, которую мне мгновенно принесли в номер, взбодрили дух и тело. Выходя в холл отеля, я даже слегка напевала.

Синьор Лаварди традиционно ждал в баре за бокалом белого вина. Расспросив меня о сегодняшней прогулке, он отодвинул бокал и сказал серьезно:

– Итак, синьора, сегодня у вас первый выход в свет в нашем городе. Самые главные правила поведения, когда вы в маске: ничему не удивляйтесь вслух и ничего никому не обещайте. Насладитесь хорошенько музыкой, танцами, ужином. Перестаньте на один вечер быть такой серьезной.

– Я постараюсь.

– Ваш сопровождающий на сегодня будет ждать вас в лобби отеля сегодня в десять вечера. Он будет в бауте и черном домино и передаст вам от меня записку для хозяйки дома. Danzante заканчивается примерно в четыре часа утра, но вы можете вызвать Массимо в любое время. Вам достаточно пробыть в Ка’Градениго хотя бы два часа.

– Неужели кто-то будет следить за тем, когда я уйду с бала? – я удивилась.

– Конечно, синьора! На вас будет смотреть множество глаз. Не одно и не два семейства уже включили вас в свои

планы, и, вот увидите, завтра вам будет предложен богатый выбор поля для игры.

– Вообще-то я уезжаю через пять дней, – зачем-то сказала я.

– Посмотрим, – синьор Лаварди мягко улыбнулся. – Еще одно: если чье-то поведение покажется вам странным, озадачит вас, если какой-то поступок или жест вызовет у вас тревогу, сделайте две вещи.

Он отчего-то замолчал надолго, и я рискнула поторопить своего consigliere:

– Какие две вещи, синьор Лаварди?

– Ах да, – очнулся он, неловко улыбнувшись, и договорил: – Первое – ничем не отвечайте на обеспокоившее вас действие. Второе – подойдите к мажордому и скажите, что вы желали бы связаться со мной.

Вот интересно, это он сейчас меня пугал, предупреждал или заинтриговывал?

– А сопровождающий в этом случае помочь не сможет? – на всякий случай уточнила я.

– У него другая роль, – невозмутимо ответил мой consigliere. – Он сегодня только лишь маска, пешка, но не фигура.

– А я?

– А вы – определенно фигура. Только пока никто не знает, какая именно. И из какой игры.

Платье было подогнано просто безупречно. Почему-то мадам Лафорж, моя бостонская портниха, никогда не может достичь такого идеального результата, хотя берет, кажется, не меньше, чем синьора Флавиа. Затянутая в черный шелк талия казалась тоненькой, как у юной дебютантки, серебряные кружева трепетали на груди. Черное кружево платка полностью скрыло волосы и овал лица. Глядя в зеркало, я сунула в кармашек в складках юбки узкий стилет, надела маску и водрузила на макушку треуголку. Вот теперь там отражалась та самая герцогиня Сфорца...

Прежде чем выйти из номера, я еще потренировалась подносить ко рту чашку, стакан с водой, виноградину – все получилось отлично.

Ка'Градениго сиял огнями. Моя гондола подошла к причалу дворца, Массимо зацепил причальный канат за полосатый сине-белый столб и ловко выскочил на дощатый помост. Церемонно отворив дверцу кабины, он подал руку моему спутнику. Тот вышел и в свою очередь склонился, подавая руку мне. Все это время лакей Ка'Градениго стоял, словно статуя, держа в руке пылающий факел. Покинув гондолу, я сделала два шага по ковровой дорожке, ведущей от причала к ступеням дворца. Украдкой оглядела свое платье – не помялось ли? Вроде нет... Положила левую руку на предложенный мне локоть и медленно пошла за факелоносцем.

Интересно, почему они освещают дорогу от причала в дом

факелами, а не обычными магическими фонариками?

Пройдя по короткому полутемному коридору, мы вышли в холл, и я даже зажмурилась: вот здесь не было недостатка в свете. Не фонарики, а целые фонари сияли разноцветными шарами, отражаясь искрами и лучами света в зеркалах, позолоте рам, хрустальных подвесках люстр, пробегали бликами по полированному разноцветному мрамору и возвращались к драгоценностям и золотому шитью гостей, неторопливо поднимающихся по широким изгибам лестницы. Арлекин и Коломбина, хозяева сегодняшнего вечера, приветствовали входящих в дверях бального зала, и лакей в белом парике и малиновой ливрее подавал с поклоном бокал шампанского. В глубине зала на балконе играл оркестр, и первые пары уже кружились под знакомую музыку вальса.

Я отпила глоток из бокала и медленно пошла по залу вперед, рассматривая других гостей и отвечая на поклоны. Костюмы были разные и в то же время одинаковые; это был не столько костюмированный бал в том понимании, в каком их устраивали в бостонском светском обществе, а, скорее, вечер с тематическим переодеванием. Кое-кто из гостей оделся Арлекином, Панталоне или еще какой-то из масок комедии дель арте, но большинство выбрало для себя платье четырехсотлетней давности, времен Джакомо Казановы и Карло Гольдони. Зато относительное однообразие стиля искупалось цветом: вся радуга с ее тончайшими вариациями разлилась по бальному залу Ка'Градениго.

Оркестр замолчал, и в зал вошла цепочка бело-малиновых лакеев с подносами, на которых исходили паром чашки тонкого белоснежного фарфора; в зале восхитительно запахло шоколадом. Я невольно сглотнула слюну, вспомнив, что последний раз ела еще днем, в кафе на площади Святого Марка. По счастью, шоколад сопровождался крохотными, на один укус, закусками – профитролями с начинкой из паштета, икры или крема, сэндвичами размером с перепелиное яйцо, микропирожными и чем-то еще. Отправив по назначению последнюю хрустящую корзиночку с малиной, я вытерла руки горячей влажной салфеткой, неведь откуда возникшей передо мной и так же исчезнувшей, и поняла, что готова потанцевать.

Пройдя первый вальс со своим молчаливым сопровождающим, я довольно быстро потеряла его из виду. Впрочем, вскоре я вообще о нем забыла: вальс сменялся мазуркой, танго – паваной, только разноцветные камзолы мелькали перед глазами. Наконец я совершенно выбилась из сил и решила найти и попить воды, потом отыскать дамскую комнату и чуть-чуть отдохнуть. План этот был с блеском исполнен. Вот только, выйдя из помещения, которое в Ка’Градениго скромно обозначили как powder room, я ухитрилась свернуть не в тот коридор и уже через пять минут проклинала шепотом свой топографический кретинизм. Похоже, меня занесло в жилую часть дворца, не предназначенную для гостей бала. Здесь все выглядело менее парадно, но как-то очень по-до-

машинему. Я заглянула в одну из комнат – небольшая гостиная, где явно любит сидеть хозяйка дома, судя по портретам детей на каминной полке, оставленным на столике пяльцам с вышивкой, букетику примул в небольшой стеклянной вазе...

Надо искать выход в балльный зал, а то неудобно будет, если я наткнусь на кого-то из хозяев или даже слуг. Стоило мне подумать так, и я почти подпрыгнула оттого, что в комнате рядом раздались мужские голоса. Один говорил совсем тихо, почти бормотал, ни слова разобрать было невозможно. Второй, более низкий, ограничивался междометиями, но в его «угу» звучала явственная угроза.

Проклятое любопытство одержало верх, и я заглянула в чуть приоткрытую дверь между гостиной и соседней комнатой.

Двое мужчин без масок, но в таких же роскошных нарядах, как и прочие участники бала. Камзолы почти одинаковые, цвета мякоти темного винограда. У того, который сидит, одежда отделана тонким черным шнуром, и лишь на белой рубашке виднеется неширокая полоска кружев. Стоящий перед ним, тот самый, что и сейчас продолжал бормотать, захлебываясь, комкал и рвал роскошное серебряное кружево своих манжет.

– Довольно, – уронил сидящий в кресле, и второй замолк, буквально подавившись словами. – Хватит, Луиджи. Ты виновен, и я мог бы прямо сейчас приказать тебе умереть, но... будем считать, что *te la sei cavata*. Иди и будь готов завтра от-

правиться замаливать грехи в обитель Святого Христофора.

Небрежным жестом он отпустил своего собеседника – или надо было бы назвать его жертвой? – и перевел взгляд на ту самую дверь, за которой стояла я. Затем, встав, подошел к ней и открыл. Я почувствовала под маской, как мое лицо заливают густая краска. Ох, Великая Мать, кажется, последний раз меня ловили на подслушивании в возрасте трех лет...

– Итак, синьора, – с усмешкой проговорил мужчина, – проходите, присаживайтесь. Могу ли я предложить вам бокал вина?

Я присела в реверансе и молча сделала шаг вперед: говорить пока боялась, чувствуя, что голос может подвести. Осмотрелась вокруг, стараясь не особо крутить головой – ну да, еще одна гостиная, но, если можно так выразиться, с мужским акцентом. Панели темного дерева на стенах, карточный стол, накрытый зеленым сукном, поднос с напитками...

Незнакомец за руку подвел меня к креслу, сам уселся напротив и взял бокал с красным вином.

– Не молчите, синьора, прошу вас. Заметьте, я не требую, чтобы вы сняли маску или назвались. Я даже не спрашиваю, что вы делали в гостиной моей сестры. Пойдите же и вы мне навстречу. Вина? Красное, белое? Шампанское?

– Белое, пожалуйста, – тихо проговорила я.

Глоток легкого Bianco di Custoza, сладковато-кислого, с запахом летних яблок, смягчил перехваченное горло, и я смогла говорить уже более свободно.

– Я прошу прощения, синьор. Моей целью вовсе не было что-то услышать или увидеть. В эту часть дома я попала совершенно случайно, просто не туда повернула в коридоре и искала, у кого спросить...

– Вы меня нашли. Спрашивайте.

Совершенно против моей воли язык мой (враг мой!) сам выговорил вопрос:

– А что значит «te la sei cavata»?

Мой собеседник расхохотался:

– Всего лишь «тебе удалось выкрутиться» на местном диалекте. Иногда мы предпочитаем говорить не на всеобщем, знаете ли...

– Да, я это заметила.

– А вы ведь не местная и, похоже, вообще издалека. Бритвальд? Русь? Норсхольм? Качаете головой... Новый Свет?

– Новый Свет, – согласилась я и, поскольку никакого секрета в этом не было, добавила: – Бостон.

– А! Ну, тогда я знаю, как вас зовут! Вы синьора Хемилтон-Дайер и остановились в «Палаццо Дандоло».

– Неужели Венеция – такой маленький город, что все обо всех знают? – спросила я с изумлением. – Ведь здесь сейчас, во время карнавала, толпы туристов со всего мира!

– Конечно, это очень маленький город, – мягко улыбнулся мужчина. – Нас, тех, кто живет на островах круглый год, немногим более ста тысяч. Всего сто тысяч – нобилей, аристократов и простолюдинов. Но о вас, синьора, я был осве-

домлен еще в тот момент, когда вы покинули борт «Царицы Савской».

– Вот как? Тогда мне хотелось бы узнать причины такого интереса к обыкновенной туристке... Ну, разве что вы являетесь главой местной ночной гильдии и планируете ограбление?

– Ни в коем случае, синьора, скорее уж наоборот...

Мне показалось, что мой собеседник собирается представиться, но в этот момент откуда-то из глубины дома послышались громкие и возбужденные голоса, и он, с досадой прищелкнув языком, встал, надевая простую черную полумаску.

– Прошу прощения, но мне нужно идти. Я обещаю, что мы встретимся еще, и я постараюсь ответить на все ваши вопросы. На все, на которые смогу ответить. А сейчас пойдемте, я провожу вас обратно в бальный зал.

Искомый зал оказался буквально за углом. Как я ухитрилась его не найти, не понимаю... Танцевать мне уже не хотелось. Загадочный собеседник занимал все мысли, и после того, как я дважды наступила на ногу партнеру в вальсе, стало понятно, что нужно отправляться в отель. Собственно, все запланированное сделано: шоколад попробовала, платье выгуляла, натанцевалась до упаду, записку синьора Лаварди хозяйке передала, небольшое приключение нашла... Или большое? Ладно, время покажет. Я сладко зевнула, благо под маской этого не видно, и отправилась искать своего сопровождающего. Впрочем, проблемы это не составило: стоило

мне сделать два шага в сторону парадной лестницы, как высокая фигура в черном словно сама собой возникла за моим левым плечом.

В лодке я бессовестно уснула, едва закуталась в плащ, и проспала вообще все: дорогу по воде, высадку из гондолы и последующее путешествие на руках ассомпраторе до номера... Проснулась я уже в тот момент, когда горничная развязывала ленты моей маски.

– Ох, спасибо, – пробормотала я, благодарно подставляя затылок. – Не могу глаз открыть, так устала...

– Ничего удивительного, синьора, бал – это тяжелая работа. Спите, утром завтрак принесут вам в номер.

Я еще ухитрилась поблагодарить женщину, слабо ворочая языком, но ее ответа уже не слышала.

Разбудил меня запах кофе и вафель. Открыв глаза, я поняла, что утро давно уже закончилось, в разгаре день; я лежу в кровати в пижаме, на столике исходит паром кофейник, масло блестит в масленке капельками влаги, а серебряная крышка прикрывает что-то аппетитное. На часах было половина двенадцатого. Ого! В такое время я не вставала со времен колледжа, да и там не особо позволяла себе...

Небольшая гимнастика, горячий душ, завтрак, кофе – чего еще хотеть человеку в отпуске? Только информации. И я попросила портье найти для меня синьора Лаварди. Раз уж он мой consigliere, пусть отвечает на вопросы, не дающие мне

покою!

Как оказалось, синьор Лаварди уже был в отеле и ждал моего пробуждения. Я бы сказала, что мне стыдно, но это было бы абсолютной неправдой: мне было весело и смертельно любопытно. И главный вопрос, который крутился у меня на языке: а чего все они от меня хотят?

– Синьора, – поприветствовал меня мой consigliere, поспешно вставая. – Добрый день! Вы довольны вчерашним вечером?

– О да! Правда, у меня накопилось огромное количество вопросов...

– Я постараюсь ответить на них, но прежде скажите, синьора Хемилтон-Дайер, вы уже посмотрели вашу почту?

Почту? Я почти удивилась, затем вспомнила, как пришло мне приглашение на вчерашний вечер, и сообразила, что удивляться нечему. А синьор Лаварди махнул кому-то рукой, и через минуту один из консьержей принес поднос, на котором высилась буквально гора конвертов.

– Мамочки... это все мне? – только и смогла выговорить я.

– О да, синьора. Вы за одно утро стали весьма популярны в нашем городе.

– Но за то время, которое мне осталось здесь провести, я даже прочитать все это не успею!

– И не нужно. Сейчас мы с вами быстро все разберем и рассортируем.

Он отставил кофейную чашку, размял пальцы и провел рукой над подносом, что-то тихонько бормоча. Под его ладонью конверты сами собой складывались в аккуратные стопки, которых я насчитала пять. Я подняла глаза на синьора Лаварди, который с довольным видом хмыкнул и пояснил:

– Итак, вот это, – рука его легла на крайнюю стопку слева, – те письма и приглашения, на которые обязательно нужно ответить, а мероприятия – посетить. Это очень важно.

Я с любопытством взяла верхний конверт: письмо на тонкой бумаге цвета лаванды в самых велеречивых выражениях приглашало меня завтра в Ка'Боттарди на *partito delle signore* с духами.

– Духи – это в смысле ароматические вещества?

– Нет, синьора, имеются в виду дүхи. Призраки, если желаете.

– И что, вы хотите сказать, что призраки, привидения, называйте как угодно, и в самом деле примут участие в вечеринке? – скепсис в моем голосе, надеюсь, чувствовался явно.

Но синьор Лаварди ответил со всей серьезностью:

– Я хочу сказать, что от приглашений графини Боттарди никто в Серениссиме не отказывается, даже бесплотные сущности.

– Хорошо, – пожала я плечами. – Значит, на завтра приглашение принимается. Но это ж нужно новое платье?... и сопровождающий?

– О нет, это вечеринка только для синьор! И вы вполне можете надеть один из своих мужских костюмов, вариант вполне допустимый. А вот для следующего дня новое платье вам понадобится...

Так мы разобрали стопку писем с пометкой «очень важно», в результате чего выяснилось, что все мои вечера на ближайшие шесть дней полностью расписаны.

– Я врач. И следовательно, у меня очень скверный почерк, так что не представляю себе, как на все это отвечать, – сообщила я с мрачным удовлетворением, окидывая взглядом нетронутые письма. – И я планирую уехать, пусть не через пять дней, но хотя бы через неделю. Это значит, что больше ни одного приглашения мне просто не освоить.

– Ответные письма не составят проблемы, – махнул рукой великолепный consigliere. – Вот так вот...

И роскошная ручка с золотым пером сама собой заскользила по листу бумаги с логотипом отеля.

С остальными конвертами было уже проще. Половину из них составляли предложения от ателье, ювелирных и меховых магазинов, косметических салонов и прочее, отправившиеся в корзину. Единственное из таких рекламных писем, я бы даже назвала его запиской, которое оставил синьор Лаварди, – это приглашение посетить закрытую продажу шелка из Комо. Более того, с самым серьезным видом он переложил это письмо в первую стопку.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Во-первых, шелк с озера Комо, несомненно, лучший в мире. Во-вторых, там будут персоны, с которыми вам полезно будет познакомиться. В-третьих, уверяю, это будет не менее интересно, чем посетить вернисаж.

– Ладно. По времени вроде бы получается. А теперь объясните мне...

– Нет, синьора, давайте вы расскажете мне о вчерашнем вечере. Ведь там было что-то, чего вы не ожидали?

Я вспомнила синий шелк гостиной, бокал с Bianco di Custoza, темные глаза незнакомца...

Вопреки моим ожиданиям, синьор Лаварди был очень доволен моим приключением.

– А как выглядел ваш незнакомец, он ведь был без маски? – переспросил он.

– Как выглядел?.. Знаете, мне проще будет нарисовать его, чем описать словами.

Я взяла у моего собеседника ручку, мимоходом поразившись ее тяжести, и нарисовала запомнившееся мне лицо: складку губ, упрямый подбородок, разлет бровей, волосы, небрежно завязанные в низкий хвост... Посмотрела на получившийся портрет, кивнула сама себе и отдала его синьору Лаварди. Тот посмотрел, взглянул на меня, снова на рисунок, и брови его поползли вверх.

– Вы хорошо рисуете, синьора, – сказал он.

– Ну, при моей специальности это весьма полезный на-

вык, — я пожала плечами. — Так кто это такой? Я поняла только, что он брат хозяйки дома, но не успела влезть в Сеть и поискать информацию об этой семье.

— Дело не в том, что он брат синьоры Градениго. Он — член клана Торнабуони. Вы познакомились с юристом клана, Джан-Баттистой, вторым сыном главы семейства.

Я присвистнула. Об этой семье магов воды слышала даже я, человек весьма далекий от высокой магической науки. По мнению самых серьезных магов Нового и Старого Света, их вклад в разработку математических моделей процесса создания заклинаний переоценить невозможно. Однако получается, мой знакомец не маг и не математик?

— Юрист? — озвучила я свой вопрос.

— Ну... — синьор Лаварди поднял взгляд к потолку, внимательнейшим образом разглядывая синие и алые стеклянные завитки люстры. Потом посмотрел на меня и договорил, выделяя каждое слово: — Те, кто считает его палачом, ошибаются.

Палачом, мама дорогая! Я глубоко вздохнула, чтобы унять отчаянно забившееся сердце, и сказала с храброй улыбкой:

— Это хорошо, что они ошибаются. Один знакомый палач у меня был, пожалуй, я бы не хотела повторять опыт...

— А мне казалось, что в Новом Свете отменена смертная казнь, — удивленно поднял брови синьор Лаварди.

— Отменена, — я поняла, что от рассказа мне не отвертеть-

ся, и продолжила: – Но некоторые... корпорации держат людей для специальных поручений. Один такой пожелал стать членом нашей семьи. Собственно, это было одной из главных причин моего отъезда из Бостона сперва в Лютецию, а затем сюда.

– Вы думаете, он не сможет вас найти?

– В газетах прошло сообщение о его смерти, и эти сведения мне... подтвердили доверенные люди.

Честно говоря, я в жизни так не напивалась от радости, как в тот день, когда получила короткое письмо от Альмы Хендерсон, моей секретарши. Но тогда... О, я очень хорошо помню ощущение счастья, нахлынувшее на меня, когда я прочла две строчки, пришедшие по электронной почте: «Хаббард убит, все подтвердилось. Возвращайся». Я немедленно позвонила в ресторан отеля «Крийон», где жила в Лютеции, и заказала две бутылки лучшего шампанского. И выпила их одна, да!

Я вспомнила холодные, очень светлые голубые глаза, чуть кривой нос, светлый ежик стрижки человека, которого боялась до обморока, и вдруг представила себе, что Альма и все остальные ошиблись. Ну, или были обмануты Магнусом Хаббардом не в первый раз... И значит, снова нужно оглядываться, выходя из двери отеля? А может быть, и вчера, на балу, меня хотели отследить по его поручению?

Да нет, это уже безумие. И вообще: я ношу маску. В этом городе я могу менять лицо хоть каждый день, и никто этому

не удивится!

– Простите, синьор Лаварди, задумалась, – извинилась я. – Так говорили о Джан-Баттисте Торнабуони, не так ли? И вы сказали, что он... э-э-э... решает юридические проблемы клана.

– Именно так, вы прекрасно сформулировали.

– Так вот почему он так разговаривал с тем напуганным человечком... – пробормотала я.

– Вы не рассказали мне об этом, – упрекнул мой собеседник.

– Да там практически нечего рассказывать. Я случайно услышала часть не предназначенного для чужих ушей разговора, – вспомнив, как меня застукали на подслушивании, я вновь покраснела. – Ваш... Джан-Баттиста сказал некоему Луиджи, что тот виновен, и отправил его в монастырь Святого Христофора.

– Вот как... Значит, Галло все-таки попался. Интересно... – с отсутствующим видом проговорил consigliere, затем встрепенулся и продолжил: – Ну, хорошо, так о чем вы хотели меня спросить, синьора Хемилтон-Дайер?

Почему-то у меня возникло ощущение, что сию минуту синьор Лаварди получил от меня некий кусочек пазла, которого ему не хватало. Вот зачем я ввязываюсь в эти местные интриги? Мало мне было приключений? Мало было склок между хирургами и выяснений, кто самый великий в нашем крохотном садке с акулами?

Вздохнув, я попыталась сформулировать беспокоящее меня ощущение как можно точнее:

– Понимаете, синьор Лаварди, мне все время кажется, что окружающие знают что-то, о чем мне не говорят. Нет-нет, я не имею в виду какие-то местные секреты! Мне кажется, что что-то знают обо мне. Ну, как это объяснить... Вот когда в школе учитель поставил точку возле твоей фамилии в журнале, все это видели и уверены, что сегодня тебя вызовут. А ты не в курсе, просто лопатками чувствуешь грядущие неприятности.

– Да, понимаю. – Синьор Лаварди потер пальцами подбородок, потом решился и начал говорить: – Вы правы и не правы одновременно. Да, когда вы приехали в Венецию, многие усмотрели в этом некий знак. Я не имею полномочий рассказывать о подробностях, но... Дело обстоит так: в одном из семейств наших нобилей есть серьезная проблема. Для ее решения может понадобиться специалист вашего уровня.

– Специалист в области пластической хирургии?

– В магической пластической хирургии, да, – слово «магической» он подчеркнул особо. – Но пока никто не говорил о такой возможности с... э-э-э... объектом. И неизвестно, как он к этому отнесется.

– И что, весь город в курсе этой проблемы?

– Ну, вам ли не знать, что сложности такого рода бывает чрезвычайно трудно скрыть, – синьор хмыкнул несколько принужденно. – Не буду скрывать, мне поручено сделать ва-

ше пребывание здесь максимально приятным и увлекательным. И вот еще, кстати, отель ведь у вас оплачен по завтрашний день?

— Да, я как раз собиралась продлить бронь номера.

— Позволено ли будет предложить вам посмотреть... э-э-э... ну, скажем, апартаменты? Если вы захотите, их можно будет арендовать на любой срок. Иногда свой дом бывает много предпочтительнее, сами понимаете.

Дом или апартаменты, ага... Прикинем быстренько: в отеле уже входят в стоимость завтраки, уборка, смена белья. При этом все вокруг абсолютно чужие, и можно их не принимать в расчет. В доме или апартаментах нужно думать о еде, говорить с уборщицей, решать вопросы со стиркой и глажением, вообще, как-то начинать жить. Я уже открыла рот, чтобы вежливо отказаться, но с удивлением поняла, что договариваюсь ехать смотреть этот самый дом. Ехать прямо сейчас, даже не задав ни одного вопроса!

Положительно, этот город действует на меня развращающе.

Апартаменты? Ха-ха три раза. Гондола под управлением неизменного Массимо привезла нас с синьором Лаварди к самому настоящему палаццо: с водным подъездом, охраняемым причальными столбами в желтую и зеленую полосу, с черно-белой шахматной доской мраморного пола при входе и высокими стрельчатыми окнами в *piano nobile*, господском

этаже.

Массимо накинул канат на полосатый столбик с позолоченным набалдашником и ловко выскочил на доски причала. Помог выйти синьору Лаварди, потом мне, запрыгнул обратно и уселся на корме гондолы, вытянув вперед длинные ноги и надвинув на глаза соломенную шляпу, украшенную сегодня разноцветной лентой.

– Итак, синьора Хемилтон-Дайер, разрешите представить вам – Ка’Виченте.

Сделав пару шагов назад, я окинула взглядом здание. Вызывающе асимметричное, оно было узким и будто устремленным ввысь; справа сдвоенная арка вела к входной двери, слева на первом этаже виднелись три небольших квадратных окна, забранных толстой решеткой. *Piano nobile* радовал глаз шестью соединенными в ряд стрельчатыми окнами и угловым балконом. Между квадратными окнами третьего этажа и мощными балками, поддерживающими крышу, сияла яркими красками фреска, но разглядеть ее с того места, где я стояла, не получалось. Ну, ничего, посмотрю, когда будем отплывать.

– Прошу вас, синьора, – мой спутник склонился в поклоне, и я вошла в арку.

Широкие двустворчатые входные двери были распахнуты, и солнечный луч через них попадал внутрь, отражался от высокого золоченого канделябра и рассыпался искрами по позолоте, стеклянным подвескам люстр и бра, сверкающим

зеркалам, после чего затихал на черно-белом мраморе пола. Вот же тьма, если такова прихожая, каковы будут парадные залы?

В центре холла стояла высокая худая женщина в белом фартуке поверх длинного коричневого платья с небольшим кружевным воротником. На поясе ее платья выразительно покачивалась солидная связка ключей. У левой ноги женщины сидел здоровенный рыжий кот и жмурил желтые глаза на солнечный луч.

Женщина присела в реверансе.

– Добрый день, синьора Пальдини, – кивнул ей Лаварди. – Итак, синьора Хемилтон-Дайер, разрешите представить вам домоправительницу Ка'Виченте. Именно ее труды позволяют мне утверждать, что здесь вам будет куда уютнее и удобнее, чем в самом лучшем отеле.

Я поздоровалась с женщиной и перевела взгляд на кота. Как бы ни странно это звучало, но его личность мне знакома. Минуточку, так это же тот самый кот, который во сне шлялся по моему номеру!

– А ваш кот живет здесь же? – спросила я самым равнодушным тоном.

– Да, синьора. Его зовут Руди. А вы не любите кошек?

С трудом удержав на языке расхожую шутку, что я не умею их готовить, я пожала плечами.

– До тех пор, пока он не решит жить в моей комнате, это не мое дело.

Руди. Рыжий кот с наглым взглядом желтых глаз и рваным левым ухом. Тот самый Руди, который прилепил ниточку-метку к приглашению на мой первый венецианский бал. А я ведь так и не выяснила, по чьему приказу?

Тем временем, коротко переговорив с домоправительницей, синьор Лаварди повел меня смотреть комнаты *rianoobile*. И, сознаюсь, я была ими совершенно очарована. Спальня и прилегающие к ней будуар и гардеробная были отделаны бледно-зеленым с серебром. Окна спальни выходили в небольшой внутренний двор, засаженный цветущими крокусами и анютиными глазками; будуар смотрел на Гранд-канал. В гардеробной стояли три огромных, в рост, зеркала в серебряных рамах и бесчисленные шкафы, ящики, полки и шляпные коробки. Гостиная, оформленная в ярких тонах – малиновом, белом, золотом, – также сверкала зеркалами, в которых отражались люстры муранского стекла. Бальный зал был белым, а в кабинете царил чиньский стиль: черный и красный лак, ширмы, карпы и пионы.

– Потрясающе, – восхитилась я. – Просто невыносимо красиво.

– Обратите внимание на плафоны, синьора, – голосом искусителя шепнул на ухо синьор Лаварди. – Их расписывал сам Тьеполо!

– Синьор Лаварди, – ответила я по возможности строго. – Скажите сразу, сколько это стоит.

– Двести дукатов, синьора.

– В час?

– О нет, я бы не посмел... Двести дукатов в неделю, и это включает уборку и завтрак. В качестве горничной, боюсь, синьора Пальдини не слишком подойдет. Но горничную она вам порекомендует за минимальную доплату.

Двести дукатов в неделю? Номер в «Палаццо Дандоло», в котором я живу сейчас, стоит двести десять в день! И это отнюдь не многокомнатный люкс, а вполне обычный номер, чуть лучше стандартного. Помнится, кошка тоже обещала мышке слишком хорошее вознаграждение за плевую работу – горшок масла, если та пробежит из угла в угол...

– Синьор Лаварди, я хотела бы посмотреть договор аренды. До этого я не могу принимать решение.

– Да, синьора, я привезу вам его завтра с самого утра.

Я поблагодарила домоправительницу и кота, опершись на руку Массимо, устроилась в гондоле и во все глаза стала смотреть на Ка'Виченте. Фреска в верхней части здания с воды была видна отлично, и я даже определила ее сюжет. Впрочем, трудно было бы его не определить, если изображение включало трех почти обнаженных красавиц и юношу с пастушеским посохом, протягивавшего яблоко одной из них. История Париса с золотым яблоком и трех самолюбивых богинь...

Просмотрев договор аренды, я откинулась на спинку кресла и посмотрела на синьора Лаварди.

– Прежде, чем я подпишу договор... Прежде, чем я вообще возьму ручку, я хочу знать, чего от меня требуют и кто.

– Синьора, прошу меня простить, но я не могу этого вам сказать.

– А кто может?

Он тяжело вздохнул.

– Смелее, синьор Лаварди! За названное имя вас не подвергнут остракизму. Ну, так от кого я узнаю подробности и когда?

– Завтра вечером граф Контарини вернется в Венецию, – с мученическим выражением лица выговорил он. – После-завтра вы встретитесь с ним на балу в Ка’Фоскари.

– Ну, вот видите, и совсем не было больно! – усмехнулась я. – Значит, рассказать, в чем суть проблемы, вы мне не можете?

Лаварди замотал головой так, что я испугалась, как бы она не оторвалась.

– Нет, синьора, простите!

– Ладно. Тогда расскажите мне о тех, кто имеет какое-то значение в этом городе, и об их взаимоотношениях. Мне надоело чувствовать себя в темноте. И пожалуйста, начните с кланов Контарини и Торнабуони.

Мой консультант хмыкнул, неожиданно придя в хорошее настроение.

– Это-то как раз несложно. Два этих клана можно называть... союзными, пожалуй. Да, именно так. Они не конку-

ренты, поскольку Торнабуони занимаются водной магией с точки зрения теории, математических основ, разработки новых заклинаний. К этому вплотную примыкают мореплавание и погодная магия. А Контарини – это, в первую очередь, верфи, а также все, что используется в строительстве и в военных целях.

В какой-то момент я даже пожалела о своем вопросе. Во взаимоотношениях кланов и семей Венеции, входящих в Совет десяти, Совет судей и Совет нобилей милейший синьор Лаварди разбирался не хуже, чем я в типах скальпелей. Может быть, даже лучше. Так что через два часа и пять чашек чая я полностью ориентировалась в хитросплетениях жизни венецианцев, как надводной, так и подводной части этого айсберга.

Итак, завтра вечером у меня бал в Ка’Фоскари и встреча с представителем правящего семейства. Не главой, нет, упаси боги; со мной желает встретиться второй наследник фамилии, граф Пьетро. А сегодня... взгляд мой упал на стрелки часов, и я застонала:

– Синьор Лаварди, через два часа мне нужно отправляться на эту дамскую вечеринку, а я еще даже не знаю, что надену завтра!

– Какие, право, мелочи, – небрежным жестом он отмахнулся от моих слов. – Платье для вас из ателье Флавиа привезут сегодня вечером, а утром приедет одна из портних, чтобы проверить, не нужно ли что-то подогнать. И кстати, сего-

дня вам не нужна будет баута, лучше вот это...

Он щелкнул пальцами, и на столике появился квадратный футляр, в каких обычно продают дорогие шелковые платки-каре. Я раскрыла коробку – там лежала полумаска цвета абрикоса, расшитая бусинками в тон, все точно такого цвета, как мужской костюм, который я собиралась надеть на *partito delle signore* в Ка’Боттарди.

– Спасибо... Красиво. И гораздо удобнее, чем баута, – сказала я, погладив шелковую поверхность полумаски. – Ну, хорошо, я готова подписать договор аренды. На неделю?

– На две, синьора, на две, а лучше – на месяц, – мурлыкнул синьор Лаварди.

– Исключено! Через три недели я должна быть на конференции в Медиолануме! – воскликнула я и осеклась. Я ведь решила не ехать на конференцию, отдала свое выступление Лилии Огден и вообще планировала больше не работать и близко не подходить к операционному залу.

Собеседник, кажется, моей заминки не заметил и продолжал ободряюще улыбаться, протягивая мне ручку и два экземпляра договора. Я вздохнула и подписала. Со стороны арендодателя подпись уже была проставлена: ничего не говорящая мне фамилия, некий *dott. Маурицио Бориле*.

– И к какому клану принадлежит человек, под крышей которого я буду жить?

– Синьор дотторе – вне кланов. Он ваш коллега, кстати, вы с ним познакомитесь, скорее всего.

Лаварди встал, мановением пальца отправил свой экземпляр договора в пространственный карман и поклонился:
– Думаю, вы захотите отдохнуть перед partito, синьора? Я прощаюсь до завтра...

Я растянулась на кровати, положила на веки пакетики со специальным гелем, снимающий припухлость век, и задумалась: вот завтра я перееду в Ка'Виченте. В отеле моя жизнь зависит от работы горничных, портье, консьержей, службы бронирования, поваров, официантов, уборщиц, охраны... Словом, примерно от сотни человек. Там, в палаццо, я буду тесно связана с синьорой Пальдини и ее котом. И все. Ну, наверное, еще будет горничная. Но это будет совсем другая жизнь, домашняя, примерно так я живу в Бостоне – уборка трижды в неделю, и все. Я ведь уехала из Бостона от этой жизни, разве не так? «Не так», – отозвался внутренний голос, и я вздохнула. Что уж самой-то себе лгать, я оставила Бостон вовсе не оттого, что мне разонравился мой дом. Перед моим внутренним взором всплыло жуткое лицо миссис Рубинштейн, и я вздрогнула. Не хочу, не хочу об этом думать!

От приступа самобичевания меня отвлекла горничная, пришедшая спросить, не желаю ли я отгладить костюм, и не нужно ли мне помочь уложить вещи. С благодарностью согласившись на оба предложения, я отправилась в ванную чистить перышки к дамской вечеринке.

Вечеринка мне неожиданно понравилась.

Нет, ну, в самом деле, что я, на девичниках не бывала? И сама замуж выходила, и подружки мои, а то еще и не по одному разу. Бывали чисто женские вечеринки и в клинике, хотя бы традиционная, перед Бельтайном. И всегда в какой-то момент выползала неприязнь, сладкая гадость, сказанная с милой улыбкой, давние обиды...

А здесь ничего этого не было.

Я не хочу сказать, что дамы восседали на пушистых облаках и чинно играли на арфах: порой шутки звучали весьма острые, и даже со стороны заметно было, как кто-то с кем-то старается не садиться рядом. Но большая гостиная в Ка'Боттарди была пропитана доброжелательством и искренностью, и исходило это от хозяйки, графини Боттарди.

Хозяйка, по виду дама лет пятидесяти с шикарной асимметричной стрижкой черно-серебряных волос, была без маски и в обычном вечернем платье из хорошего модного дома. Прочитав на моем лице вопрос, она усмехнулась и поманила меня к себе; с соседнего кресла тут же вскочила леди в голубом с золотом роброне совсем уже старинного вида, поклонилась графине и отошла.

– Итак, дорогая гостья из Нового Света, спрашивайте, – кивнула синьора Боттарди, когда я устроилась в кресле.

– Ох... Вопросов у меня больше, чем я могу сформулировать... Ну, например, почему вы без маски?

– Потому, что в моем возрасте я могу себе позволить вести себя так, как хочу, а не так, как полагалось бы. За мою жизнь я сменила столько масок, что даю лицу отдохнуть.

Присмотревшись, я поняла, что в оценке ее лет промахнулась... даже не знаю насколько. Вдвое, впятеро, в десять раз? Небольшие морщинки в уголках глаз и рта только украшали гладкое лицо, но вот взгляд выдавал годы и опыт. Разный опыт – и веселый, и печальный.

– Вы маг? – осторожно поинтересовалась я.

– Да, но, в отличие от прочих членов моей семьи, маг жизни. Все остальные в моей семье водники...

– Тогда понятно, мы с вами в известной степени коллеги. Магические способности у меня слабенькие, но в сочетании с техническими методами дают иногда весьма неплохой результат.

Мы заговорили о новинках в медицинской магии и так увлеклись обсуждением, что очнулись только после осторожного покашливания за спиной у графини Боттарди.

– Вот это очень, очень интересно, – она постучала тонким пальцем по набросанной мною на салфетке схеме пережимания сосудов при операции на молочных железах. – Я бы хотела обсудить с вами ваши разработки как-нибудь за чашкой кофе. Ну, скажем...

– В среду в одиннадцать у вас есть свободный час, – прошепел голос из-за ее плеча.

– Спасибо, Джулия. Да, в среду, в одиннадцать вам удоб-

но?

– Да, синьора, – кротко ответила я, вставая и уступая место следующей даме, удостоенной аудиенции.

Потягивая из бокала легкое белое вино, я периодически брала с подносов крохотные сэндвичи с копченым мясом или рыбой, тарталетки, наполненные икрой или паштетом, микроосьминогов, зажаренных в тонком тесте, и наблюдала за окружающими. Оказывается, маски и костюмы вовсе не мешают понимать, что происходит. Более того, мимика иной раз отвлекает. Так, собака может вилять хвостом, а в следующую минуту на тебя бросится. А вот язык тела, особенно выразительный, когда не глядишь на лица, наблюдателя не подводит хотя бы потому, что практически не контролируется сознательно. Вот две женщины: у одной, одетой в мужской темно-лиловый камзол, высоко поднят подбородок и руки скрещены на груди, она отгораживается от того, что горячо толкует ей собеседница в нежно-розовом платье с рюшами. Розовая даже ножкой топнула, отчего подбородок у темно-лиловой только вздернулся еще выше. Чего одна от другой требует, я не слышу, но что-то мне подсказывает, что сегодня розовая желаемого не получит.

А вот эта дама, в светло-зеленом и сиреневом, поникнув, стоит у окна. Плечи опущены, руки теребят веер... Поддавшись любопытству вперемешку с сочувствием, я подошла к ней и спросила:

– Прошу прощения, синьора, я никого здесь не знаю, кроме хозяйки, а она занята. Не знаете ли вы, случайно, вот этих двух дам? – я едва заметно кивнула в сторону заинтересовавшей меня пары, продолжавшей спорить тихими голосами.

Она повернулась в сторону спорщиц и даже слегка приподняла расшитую зелеными камнями полумаску, чтобы лучше разглядеть.

– А! – махнув рукой, моя собеседница повернулась ко мне. – Синьора Тальда и Лидия Хайсмит. Они всегда спорят. Сын синьоры Тальды женат на дочери Лидии, и, хотя младшему внуку обеих дам уже почти десять лет, они обе до сих пор не могут смириться с решением молодой пары переехать в Медиоланум.

– В Медиоланум? Это связано с делами или со стремлением быть подальше... э-э-э... от родственников?

Женщина фыркнула.

– Джованни Тальда утверждает, что тамошние лаборатории дают ему больше возможностей для работы. Он занимается разработкой дирижаблей. А вы?..

– Простите, я не представилась. Нора Хемилтон-Дайер. Я из Бостона, Новый Свет.

– Рада познакомиться, – рукопожатие оказалось крепким. – Франческа Контарини-Боволо. Как нравится вам жить в Венеции, синьора Хемилтон-Дайер?

– Просто Нора, прошу вас! Я знаю, что моя фамилия звучит слишком некрасиво для латинян.

– Ну, тогда я – просто Франческа, – моя новая знакомая пожала плечами, – нет, ваша фамилия – это еще ничего. Вот из Дойчланда иной раз приезжают люди с такими именами, что кажется, их нарочно придумывали для наказания.

– Или для логопедической тренировки, – возразила я. – У меня был ассистент по фамилии Гогенкраузен-Майрбрюк. По имени Эрих-Адальберт.

– Ужас какой! – искренне поразилась Франческа. – И что, во время какой-нибудь операции вы так его и звали? Доктор Гогенкраузен-Майрбрюк, подайте мне скальпель?

Опа, и эта знает, кто я такая. Я ведь не говорила, что я хирург, а? Видимо, каким-то жестом я выдала нервозность, потому что моя собеседница сочувственно похлопала меня по руке и сказала:

– Нас очень мало. Поэтому, когда под одной из старых масок появляется новое лицо, подробности немедленно становятся известны всему городу. Неужели синьор Лаварди вас не предупредил?

– Предупредил, конечно, – я покрутила в воздухе пальцами. – Но одно дело – знать, другое – почувствовать на себе.

– Привыкнете, – отмахнулась женщина и добавила, поворачиваясь к хозяйке дома: – О, кажется, начинается главный номер сегодняшнего представления.

– Главный номер?.. – недоуменно переспросила я и тут вспомнила: – А, призраки!

Смешно сказать, но призраки показались мне наименее интересной частью вечера. Какие-то они оказались... унылые, что ли. Дама в белом расхаживала по гостиной, стараясь задевать полами своего длинного плаща испуганно жмущихся к стенам женщин, и явно получала удовольствие от их реакции. Я, признаться, тоже посторонилась, когда краешек белой тряпки меня задел: плащ был неприятно холодным и будто бы промозглым.

– Вдова купца, Джованна Барбьера, – прошептала мне Франческа, прикрывая рот ладошкой. – После смерти мужа его дети от первого брака быстренько отправили ее в монастырь, там она и умерла. Любит появляться в доме, где жила когда-то, и пугать правнуков пасынка.

Как ни старалась моя новая приятельница говорить тихо, но призрачная вдова, видимо, услышала ее комментарий, и постаралась пройти особенно близко от нас, захлестывая холодным и липким посильнее.

Второй призрак, мужчина в роскошном ало-золотом камзоле, был бы всем хорош, но, раскланиваясь, он периодически путал шляпу и голову. То есть, вместо того чтобы снять шляпу, снимал голову. Как-то неаккуратно это выглядело.

Франческа вновь прокомментировала:

– Винченцо дель Грава, был секретарем Совета судей. Казнен, как нетрудно догадаться, через отсечение головы.

– За что? – шепнула я, стараясь говорить так же тихо.

– Брал не по чину, – фыркнула моя собеседница. – Да ну

их, это призраки давнишние, всем известные, перебивавшие на всех приемах. Можно сказать, они вышли из моды, как туфли с острыми носами. Должен бы быть кто-то еще.

– А вон там, в дальнем углу – мне кажется, или появилось что-то вроде туманного облака?

– Точно! Давайте посмотрим, – подавшись вперед, Франческа так сжала мою руку, что я пискнула, чего, впрочем, любопытная леди не услышала.

Туманное облако тем временем уплотнилось и стало похоже на человеческую фигуру, только очень маленькую. Карлик?

– Да это ребенок! – шепотом воскликнула я. – Девочка!

– Вот это точно новое, она еще никогда не появлялась ни у кого в доме... Но странно, я не слышала, чтобы в городе у кого-то случилась такая беда, – пробормотала Франческа. – Платье на ней – это же школьная форма, а? Форма странная, нигде такую не видела...

Призрачный ребенок тем временем совершенно потерял туманный облик и стал выглядеть, в общем, довольно обычной девочкой: с косами, уложенными в сложную прическу, в длинном голубом платье с кружевными воротником и манжетами. Она неторопливо пошла по гостинной, останавливаясь то перед одной, то перед другой женщиной и всматриваясь в черты под масками.

Всколыхнувшееся было общество постепенно успокоилось, графиня Боттарди предложила в качестве диджестива

сладкое и ароматное Амагоне, и я сочла, что можно было бы и откланяться. С Франческой мы договорились продолжить знакомство завтра же утром, отправившись вместе на знаменитый остров Мурано посмотреть, как делают тамошнее стекло: ей нужно было заказать какие-то бокалы, ну а меня вело любопытство.

Я распрощалась с хозяйкой дома, отправила сообщение Массимо, чтобы он ждал меня у входа, и пошла к двери. Почти возле нее меня остановило ощущение ледяной струйки, прокатившейся по руке. Я повернулась и увидела перед собой маленького призрака. Темные глаза посмотрели, кажется, внутрь меня, а в голове прозвучал тихий голос:

– Мы с тобой еще встретимся. Не бойся, я помогу.

Глава 2. Gatto

Утро – понятие растяжимое. Для рыбака или крестьянина оно начинается с рассветом, для актрисы или светской дамы – далеко за полдень. У меня, как медика, утро начиналось всегда рано; плановые операции на вечер не назначают, ну а срочные в пластической хирургии, к счастью, случаются редко.

Франческа присоединилась ко мне за завтраком в «Палаццо Дандоло», и наша гондола отправилась в сторону острова Мурано в начале десятого.

– Ты всегда встаешь так рано, даже после светских мероприятий? – спросила я с удивлением.

– Ой, да я в этих, как ты говоришь, светских мероприятиях, участвую раз в месяц, а то и реже. Вообще-то на мне все хозяйство Ка'Контарини-Боволо – дети, слуги, меню, приемы, кладовые...

– Большое хозяйство?

– Счита́й сама, – хмыкнула она. – Помимо меня с моим мужем Витторе и наших четверых детей, в доме живут еще моя кузина, ее супруг и дети, младший брат мужа и его молодая жена, две незамужние тетушки и четверо подмастеров Витторе. Плюс дворецкий, экономка, две кухарки, восемь горничных, учителя и гувернантки, а также всякие помощники и повара. Плюс четыре гондолы и два катера, так

сказать, с водителями. Ну как, большое?

– Я бы с ума сошла, – честно ответила я. – И ты справляешься?

– Так других-то вариантов нет... – Франческа протяжно вздохнула. – Можно, конечно, в монастырь уйти. Я иногда себе представляю – келья с белеными стенами, маленький садик, тишина...

– Точно! А потом окажется, что стены не так побелены, в садике розы растут не в том порядке, да и постные блюда в монастыре готовят не по правилам. Станешь ты матерью-хозяйкой, и будут у тебя двадцать шесть монахинь, сорок послушниц, мать-настоятельница и два садовника. Хочешь?

– Ох, я уж лучше так...

Мы рассмеялись и замолчали, глядя на проплывающий мимо остров-кладбище Сан-Микеле. Ажурные кованые ворота были уже приоткрыты, и стайка пожилых дам в черных шляпках покидала катер, чтобы в них войти.

Февраль решил сегодня показать переменчивость своей природы: с самого утра небо было затянуто свинцовыми тучами, а сейчас они ушли в сторону открытого моря, небо голубело, и на солнце можно было даже погреться. Я откинула капюшон плаща, подняла на лоб полумаску и подставила лицо теплым лучам.

– Это была форма школы Великой Матери, – неожиданно сказала Франческа.

– Что? – я вздрогнула.

– Вчерашний маленький призрак. На девочке была форма школы, которая примерно сто тридцать лет назад была при храме Великой Матери, что на Сан-Эразмо. Школу давно уже закрыли, но моя свекровь вспомнила. Ей ведь куда больше каких-то жалких ста тридцати...

– То есть получается, что больше ста лет призрак сидел на месте и никому не показывался, а теперь решил посетить пару-тройку светских мероприятий? Странно как-то...

Ветерок вновь показался мне холодным, и я поплотнее закуталась в плащ, накинув на голову капюшон и надев маску.

– Да, это странно... Маргарет обещала разузнать кое-что, она как раз не в храм Единого ходит, а к Великой Матери.

– Маргарет – это твоя свекровь?

– Да. Графиня Контарини. Супруга главы клана. Ух, сколько крови они нам с Витторе испортили в свое время!

– Ну, я так понимаю, ты с ними справилась?

Франческа пожала плечами.

– Разумеется. Ты ведь будешь сегодня на балу в Ка'Фоскари?

– А, так говорить я там буду с твоим свекром или с кем-то из старших родственников? – до меня наконец дошло. – Может быть, ты мне расскажешь, в чем дело? А то эти тайны начинают уже утомлять.

– Извини, – Франческа развела руками, – не в моей компетенции. Мое хозяйство – Контарини-Боволо, а в главный дом клана я со своими правилами соваться не могу. Да потерпи

до вечера, осталось каких-то десять часов! Кстати, платье тебе Флавиа уже доставила?

– Ты знаешь, я даже не посмотрела, что привезли. Ну, ладно, думаю, и в этот раз она не промахнулась. Вот только как я все это буду перевозить?

– Перевозить? Куда? Разве ты уезжаешь? – Моя спутница развернулась так резко, что гондола даже покачнулась.

– Просто я переезжаю из отеля в арендованный дом.

– До-о-ом? Это хорошо. Ну-ка, рассказывай! – Франческа ухватила меня за полу плаща и подергала.

Я рассмеялась:

– Тебе понравится. Ка'Виченте, окнами на Гранд-канал. С меня взяли немыслимо маленькую сумму, но дело даже не в этом.

– Дом пришелся тебе по душе, так? Эти старые casa так умеют влезать в душу, и захочешь – не уйдешь. Ка'Виченте... вроде никаких страшных историй про него не рассказывают, разве что зеркала... Но это тебя не должно коснуться.

– А что не так с зеркалами?

Но тут наша лодка мягко коснулась причала, и гондольер семьи Контарини-Боволо накиннул канат на причальный столбик. Мурано.

Мы пропустили обязательный туристический аттракцион с выдуванием из комка стекла прямо на глазах публики лошадки или вазы. Все-таки Франческа приехала по делу,

встречал ее лично главный мастер фабрики, маэстро Сильвано Синьоретти, так что и на меня упал отблеск величия фамилии Контарини.

Маэстро провел меня в музей фабрики, представил сопровождающее лицо, мастера Антонио Вельди, и вместе с Франческой отбыл в свой кабинет обсуждать деловые вопросы. А мастер Вельди показал мне удивительные, чудесные, совершенно потрясающие вещи, созданные здесь, на этой самой фабрике, за последние девять сотен лет. Яркие цвета, невероятные их сочетания в одном изделии, странные и фантастические узоры – да такое даже нарисовать не всякому придет в голову, а здешние мастера выдували фигурки и посуду, люстры и зеркала в стеклянных рамах...

Разумеется, после музея меня провели в магазин, и вот тут я немного зависла. Поначалу все было просто: я купила замечательное зеркало в раме из желтых роз с зелеными листьями для моей секретарши Альмы Хендерсон, набор бокалов для шампанского маме в ее нью-амстердамскую квартиру, совершенно потрясающую чайную чашку из ярко-зеленого стекла с отделкой мелкими незабудками для Лили, племянницы. Нацелилась на настольную лампу себе в кабинет, но вовремя притормозила: вернуться к работе я пока не готова, ни к чему собирать никому не нужные коробки в клинике. Один из прилавков все время притягивал мой взгляд, я подошла к нему раз и второй: нет, ни одна из многочисленных, выставленных в витрине вещей не манила. Подвески,

серьги, браслеты и кулоны были хороши, очень хороши, но оставляли равнодушными. Так почему же я снова возвращаюсь сюда?

Мастер Вельди, отходивший в сторонку, чтобы ответить на звонок коммуникатора, поинтересовался:

– Вам что-то понравилось из этой витрины, синьора?

– Все прекрасно, маэстро, но это не мои вещи. И тем не менее что-то меня тянет именно сюда.

– А я, кажется, догадываюсь! Минутку подождите...

Он сбегал куда-то за ключами, отпер дверцу под витриной, снял запирающее заклинание и достал плоскую квадратную коробку, обитую синим бархатом. Увидев, что в ней лежит, я тихо охнула. Браслет из рубинового стекла сиял в солнечном луче нестерпимо.

– Примерьте, синьора, – шепнул мастер Вельди.

– Боюсь, – так же шепотом ответила я. – Боюсь разбить.

– Ха! – мастер достал браслет из коробки, поднял на уровень плеча над мраморной поверхностью стола и отпустил. Я задохнулась, а алый круг тихонько звякнул и остался лежать на мраморе совершенно целый. – Особая закалка стекла, синьора. Конечно, его можно разбить, если стучать изо всех сил камнем, но и это не так просто. Примерьте.

Словно зачарованная, я протянула руку и взяла браслет. Он оказался довольно тяжелым, тяжелее, чем я ожидала. В ярком свете я разглядела внутри рубинового тела сплетающиеся тройной спиралью тонкие нити золота.

– Это последняя работа маэстро Донато Баровьера. Закончив эту вещь, он исчез, и до сих пор неизвестно, жив ли он, умер или путешествует...

– Здесь присутствует какая-то магия, – сказала я, поглаживая кончиками пальцев левой руки браслет, плотно охвативший мое правое запястье.

– Он искал свою хозяйку. Для всех остальных это всего лишь произведение искусства, для вас, возможно, что-то большее.

Конечно, браслет оказался самой дорогой из всех моих покупок в Венеции, дороже любого из костюмов, аренды дома, безделушек. Но я все равно не могла с ним расстаться ни на мгновение, и уж вовсе было невозможно оставить его вновь лежать годами в темном запертом ящике.

– Хорошо, маэстро. Я беру его. Все остальные покупки, – я кивнула в сторону отложенных подарков, – пожалуйста, отправьте по адресам.

– Да, синьора, я лично прослежу за упаковкой.

На лестнице зазвенел голос Франчески, что-то договаривавшей маэстро Синьоретти, и я пошла ей навстречу.

– Ой, – сказала она, войдя в зал, – минутку, кажется, вызов коммуникатора! Да, я слушаю. Pronto!

Вот тут я воочию увидела, как человек бледнеет просто смертельно. Кажется, все краски мгновенно сбежали с ее лица, Франческа пошатнулась и села бы на пол, если бы Синьоретти не подхватил ее. Мастер Вельди подставил стул, и

женщина села.

– Что случилось? – я присела на корточки, глядя ей в лицо.

– Мария... младшая... сказали, умирает... Надо домой, скорее!

Не глядя, я расписалась в чеке и следом за Франческой побежала к гондоле.

– Синьоры, возьмите мой катер, – догнал нас директор фабрики. – Он гораздо быстрее!

Катер, оснащенный новейшим мотором на воздушных элементах, действительно летел как ветер. Возле Ка'Контарини-Боволо мы оказались минут через десять.

– Что?.. – Франческа трясла за плечи сухопарую даму в сером платье, видимо гувернантку. – Где она?

– В своей комнате, синьора! – шелестела гувернантка на бегу. – Все было нормально, мы позанимались, попили чаю, и Мария села читать. А минут через двадцать...

Следом за ними я взлетела по лестнице. Высокая белая дверь в комнату была распахнута настежь. Столпившиеся возле нее женщины в форменных платьях заглядывали внутрь, но войти ни одна не решалась. А из комнаты доносились весьма неприятные звуки: кто-то дышал тяжело, со всхлипами, которые вдруг прервались рвотой.

– Вам что, заняться нечем? – гувернантка полоснула взглядом по стайке горничных, и те брызнули к лестнице.

Девочка лет восьми сгибалась над тазом, который держал перед нею молодой мужчина. В следующий миг девочка потеряла сознание и осела на постель. Я сбросила плащ и полумаску и шагнула вперед.

— Франческа, мне нужна вода, как можно больше теплой воды. Пусть приготовят и держат теплым отвар ромашки с добавлением лимона и... розоцветник двулистный найдется в доме? Если нет — немедленно кого-нибудь за ним пошлите в аптеку. Вы Витторе?

Мужчина, державший девочку за безвольно повисшую руку, кивнул.

— Расскажите коротко, что здесь происходило.

Все, изложенное мне супругом Франчески, лишь подтвердило мои подозрения: отравление. И отнюдь не случайное. Явно действовал растительный яд, что-то вроде аконитина или дафнина; затрудненное дыхание, рвота, да и пятна на коже весьма характерные. Судя по рассказу Витторе, с момента, когда яд попал внутрь, прошло около часа; раз до сих пор организм держится, значит, есть хорошие шансы. Промывание сейчас сделаем, и нужно ввести что-то, поддерживающее сердце и дыхание.

Две горничные вместе со вполне вменяемой гувернанткой занялись промыванием, Витторе уложил в кресло обморочную Франческу. За розоцветником и прочими препаратами отправили к аптекарю самого шустрого мальчишку.

После инъекции девочка слегка порозовела, хотя пока в

себя и не пришла. Я велела гувернантке аккуратно и понемногу поить ее отваром, а сама прошлась по комнате. Мой взгляд привлек поднос с чайными чашками, булочками, маслом и прочим, отставленный в сторону. Я провела правой рукой в воздухе над всем этим, и почувствовала, как мой новый браслет сжался на моей руке.

«Ого! – подумала я. – А вещица-то совсем не проста».

Сжимался он над одной из чашек и над вазочкой с джемом.

– Витторе, не подойдете ко мне? – позвала я негромко. – Мы можем выяснить, кто подавал вот это все и кто готовил?

Горничная, приносившая чай, клялась, что забрала его на кухне и нигде по дороге не останавливалась. Ах, как жаль, что ментальная магия мне недоступна! Можно было бы сразу проверить, не задержали ли ее вместе с подносом на ту самую секунду, за которую можно было в чашку с чаем сыпануть порошочка.

Стоп, нет, не так. Браслет реагировал на чашку и на вазочку с джемом. В чае порошок мгновенно растворится, а вот на поверхности джема он будет довольно долго виден. Получается, все было сделано еще в кухне. Ну-ка, посмотрим еще раз... ну, точно, у девочки явно своя любимая чашка, нежно-розовый фарфор с ветками мимозы. Все в доме эту чашку наверняка знают. Значит, яд нанесли на поверхность чашки, а с джемом перемешали. И еще важный вывод: никто ничего не перепутал. Отравить хотели именно Марию,

младшую дочь Франчески и Витторе Контарини-Боволо.

– Мама? – раздался голосок. – Mamочка, у меня живот болит!

Девочка расплакалась, обнимающая ее Франческа разрыдалась, а Витторе, поиграв желваками, взглядом указал мне в сторону коридора. Я вышла и прикрыла за собой дверь.

– Прошу прощения, нас не представили... – начал он.

– Да уж, не до того было. Я Нора Хемилтон-Дайер, вчера познакомилась с вашей супругой в Ка'Боттарди на приеме. Можно называть меня просто Нора.

– Да-да, Фран говорила мне. Нора, спасибо вам...

– Бросьте, Витторе, ее организм, к счастью, справился сам. Но я бы рекомендовала вам всерьез задуматься, кому могла помешать столь маленькая девочка.

– Тут и думать нечего, – он скрипнул зубами. – Паски.

– Что?

– Клан Паски. Наши противники.

– Но почему именно девочка?

– Потому что месяц назад у Марии открылся магический дар, необычный и очень сильный. Три стихии сразу – вода, как у всех нас, металл и огонь.

– Ого! – забывшись, я присвистнула. – Огонь с водой, это уже редкость. А маги металла, по-моему, вообще давным-давно не появлялись.

– Вот именно. И это усиливает дом Контарини... очень. Неделю назад решалось, кто будет учить Марию, каким се-

мьям будет разрешено, чтобы их сыновья за ней начали ухаживать... В общем, вы понимаете.

Я понимала, и еще как. Можно сказать, что на кровати в детской лежал живой кусок золота весом в тридцать килограммов.

– Ну, хорошо, – сказала я. – Тогда слушайте, что мне удалось понять...

По мере моего рассказа лицо молодого человека мрачнело все больше. Еще бы: от работы кухни зависел весь дом... Но это уже его задача, сделать так, чтобы больше к Марии никто не смог подобраться. А у меня, между прочим, переезд намечался. Я взглянула на часы и охнула: через десять минут синьор Лаварди прибудет с грузовым катером, а меня нет!

Моторная лодка дома Контарини-Боволо летела как на крыльях, и на отельный причал я выпрыгнула с минимальным опозданием. Пожалуй, для города, где практически никто почти никогда не торопится, десять минут – это даже не задержка. Тем не менее мои вещи – чемоданы, шляпные коробки, четыре манекена с платьями, сундучок с косметикой – были уже погружены, а синьор Лаварди меланхолично пил кофе в лобби отеля.

Знакомый мне портье, Антонио, вышел меня проводить и попрощаться.

– Мне жаль, что вы уезжаете, синьора Хемилтон-Дайер. Но, с другой стороны, я рад, что вы вживаетесь в наш город

с такой быстротой...

– Спасибо. Страшновато мне, конечно, – неожиданно для себя призналась я. – Это не в Лютеции апартаменты снять. Все по-другому.

– Конечно! Все гораздо лучше! – Антонио улыбнулся. – Подниметесь в номер посмотреть, все ли собрано?

Все было идеально. Единственное, чего не упаковали горничные, – документы, драгоценности, деньги и прочее содержимое сейфа, не тронули они и чемоданчик с инструментами. Я по привычке проверила магические и механические замки на нем, выгрузила все из сейфа и вышла в лобби. Пора отправляться в новую для меня реальность.

Рыжий кот Руди сидел на досках причала Ка'Виченте и умывался. Увидев приближающуюся гондолу, Руди дернул хвостом и подошел поближе к причальному столбику.

Я вышла из гондолы, синьор Лаварди подхватил мой чемоданчик и выгрузился следом. Кот обнюхал мои коленки, счел их удовлетворительными и, задрав рыжий хвост, повел меня внутрь. Синьора Пальдини, ожидавшая в холле, присела в реверансе и пошла наверх следом за мной.

В спальне я бросила на кресло плащ, перчатки и сумочку, скинула камзол, оставшись в штанах и рубашке, и подошла к окну. Первоцветы, фиалки и крокусы во внутреннем дворе продолжали цвести, домоправительница поставила там столик и пару кресел, можно будет выйти и в хорошую пого-

ду выпить кофе, например глядя на цветущую яблоню.

Минуточку, сейчас, вообще-то, еще только февраль. Яблони зацветут, наверное, в апреле – я что, собралась жить в Ка’Виченте до апреля?

Нора Хемилтон-Дайер, ты сошла с ума.

Из окна будуара виднелся Гранд-канал. Бесчисленные гондолы, лодки и катера сновали по нему, казалось бы, хаотично, но, приглядевшись, я рассмотрела в этом хаосе логику. Стук в дверь отвлек меня от созерцания, я открыла. Под командованием синьоры Пальдини двое работяг внесли первый манекен, с фиалковым шелковым платьем, которое я как раз собиралась надеть сегодня, и установили его в гардеробной между зеркалами.

– Синьора, в гостиной сервирован полдник. Вы ж, наверное, не обедали сегодня? – домоправительница смотрела на меня, прищурясь. Голос у нее был приятный, но сбивало с толку ярко выраженное местное произношение с заметным пришепетыванием.

– Не обедала. Как-то не успела...

– Там булочки свежие, вот только из пекарни принесли, и сливки я взбила к ягодам. А после полдника, если вам удобно, придут несколько девушек, выберете себе горничную.

– Да, горничная нужна... хорошо, скажем, через час будет вполне удобно.

Грузчики принесли новый манекен с черным платьем, а я отправилась навстречу булочкам.

Никаких особых инструкций от синьора Лаварди сегодня не последовало, разве что рекомендация по выбору маски, удивившая меня. Признаться, маску Кота я купила просто для комплекта и надевать ее не собиралась. Но мой консультант, перебрав и просмотрев все имеющиеся, все же вернулся именно к ней.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Потому что кошки очень долго были одной из больших ценностей нашего города, – туманно пояснил он и более вдаваться в подробности не пожелал.

Ну и ладно, маска, белая с черным, сиреневым и нежно-бирюзовым, к платью подойдет. Удивительно вообще, как я быстро привыкла к жизни под маской. Сколько я в Венеции? Взглянув на календарь, пришла в ужас: шел пятый день. По первоначальному плану, через два дня нужно было бы отправляться в Рим, а вместо этого я арендовала дом на три недели.

В начале десятого вечера моя гондола медленно подплывала к Ка'Фоскари. Я в последний раз взглянула в зеркальце на пышную прическу, сооруженную мне новой горничной, поправила перо на угнездившейся в волосах крохотной шляпке и надела кошачью маску. Итак, меня ждут бал, ужин с оперными ариями и встреча с Пьетро Контарини. И я наконец узнаю, чего ради половина Венеции обхаживает меня, в то время как вторая половина предвкушающе скалится.

Признаюсь сразу, танцы и ужин интересовали меня куда меньше, чем встреча. И даже любимые оперные арии не могли сбить с мысли о том, чего захотят от меня властелины Серениссимы? А жаль, голоса были сказочно хороши, такого Дон Жуана я даже в Метрополитен-опере не слышала никогда... Но мысли мои почти полностью занимал Пьетро Контарини. Что рассказывал мне о нем синьор Лаварди?

Итак, второй сын главы клана Контарини. Маг воды и воздуха. Ему чуть больше ста, в семье он занимается всеми вопросами, касающимися клановых интересов. То есть буквально от защиты недвижимости до определения желательных или нежелательных брачных партнеров. Женат на Екатерине Ломбарди, дочери герцога. Закончил университет в Падуе и магакадемию в Лютеции, доктор технических наук. Бесценный синьор Лаварди даже называл мне тему его докторской диссертации, но я такой набор терминов не смогла бы воспроизвести и под угрозой лишения посмертия.

Последняя нота арии Царицы ночи отзвучала, заставив зазвенеть подвески на люстрах, гости проводили аплодисментами пышную диву, обладательницу волшебного сопрано, и потянулись к столам с напитками. Я задумалась, выпить мне еще бокал шампанского или благоразумно перейти на что-то безалкогольное, когда за моим плечом раздался тихий мужской голос:

– Синьора, не соблаговолите ли следовать за мной?

Я обернулась: один из бесчисленных лакеев в белых париках, чуть склонившись, указывал мне путь в глубь дома. Подобрав шуршащие юбки, я последовала за ним.

Приведя меня в небольшую уютную комнату, человек в парике с поклоном растворился. Я прошла к горящему камину и села в кресло. На столике рядом был сервирован кофе с какими-то сладостями и фруктами, но мне хотелось только пить, и я с удовольствием налила себе воды. Дверь вновь распахнулась, и в гостиную быстро вошел высокий мужчина, на ходу сдирая с рук перчатки.

– Добрый вечер, синьора, – произнес он, садясь напротив. – Ужасно похолодало к ночи, думаю, завтра может и лагуна замерзнуть.

– Неужели такое бывает?

– Нечасто, но бывает, – кивнул он, налил в чашку горячего кофе из серебряного кофейника, подогревающегося на спиртовке, и с наслаждением сделал глоток.

– И что же тогда, город замирает?

– О нет, мы с этим справляемся! Итак, – вздохнув, он отставил чашку, – вы, должно быть, уже в курсе. Я Пьетро Контарини. Прошу прощения, что вам пришлось ждать нашей встречи, но, откровенно говоря, меня сорвали с полпути в Бостон. Я уже был в Кале и покупал билеты на трансокеанский лайнер.

– В Бостон?

– Да, синьора, я отправился туда, чтобы встретиться с ва-

ми.

Он помешал кочергой дрова в камине и уперся взглядом в мое лицо. Я положила на столик маску, которую раньше вертела в руках, и молча ждала продолжения. Мой собеседник вздохнул и продолжил:

– У меня есть племянник Карло, сын моего двоюродного брата. Брат погиб десять лет назад, и я обещал его вдове присмотреть за мальчиком. И видимо, где-то упустил...

Налив в бокал чего-то, по-видимому, крепкого, он жестом предложил и мне; я покачала головой. Судя по аромату, это келимас с галлийских виноградников, у него крепость не меньше сорока пяти градусов, меня после одной порции можно будет выносить из этой комнаты.

– Рассказывайте, Пьетро, прошу вас. Я пока не понимаю, чем могу помочь я.

– Мальчик талантливый маг, не отнимешь, – Контарини сделал большой глоток из бокала. – Но ему все давалось слишком легко, и он стал... Знаете, вот у вас сегодня маска gatto – кота. А есть еще маска gnaga, тоже кошачья, но со своими особенностями. Ее надевают мужчины вместе с рваным и грязным женским платьем; они могут шататься по городу, приставать к прохожим, орать. Даже поговорка появилась: «Иметь наглость ньяги». Так вот, Карло... стал именно таким.

Он перевел дух, вновь налил себе из графина, аромат келимаса снова поплыл по гостиной.

– Может, лучше кофе? – спросила я. – И мне заодно налейте, пожалуйста.

Получив свою чашку, я жестом предложила графу продолжать.

– Ньягой обычно пользуются мужчины... с нетрадиционной ориентацией. Но Карло как раз в этом смысле вполне обычен. Вот только к женщинам относится, как... к бумажным салфеткам. Ну, что-то одноразовое. Примерно так некоторые эльфы к человеческим женщинам относятся.

– Ага, понимаю. Пусть будет счастлива, что ее облагодетельствовали, обратив на нее внимание, – я кивнула. – Знакомо. Это не только эльфам присуще, вообще говоря, хомо в этом смысле ничем не лучше.

– Ну так вот. У одной из таких... облагодетельствованных был брат. Как потом оказалось, среди прочего этот молодой человек увлекался и магией крови. И он проклял моего племянника, покончив с собой.

– Посмертное проклятие? Да, это серьезно. Но я все еще не понимаю, какова моя роль?

Вместо ответа Пьетро протянул мне свой коммуникатор, где на экране был снимок молодого человека в серебряной маске, полностью повторяющей лицо.

– И? – спросила я, возвращая аппарат. – Красивая маска.

– Да, маска называется Volto, гражданин. Только это не маска. Это теперь у Карло такое лицо. Всегда.

– Однако... Вы хотите сказать, что маска выросла в его ли-

цо?

– Не знаю, выросла или полностью собой его заменила, но избавиться от нее не удалось. Магические средства с этой бедой не справляются, сами знаете...

Я кивнула. Да уж, с посмертным проклятием мага крови, я думаю, и сам Парацельсус не справился бы. Потом спросила:

– Как давно все это случилось? И еще – замена лица вот этим, – кивнула в сторону коммуникатора, – происходила одномоментно или постепенно?

– Год назад. И одномоментно. Карло вернулся под утро с какой-то гулянки и ушел спать, а когда проснулся...

– Ясно. Как я понимаю, чисто хирургические методы тоже результата не дали?

– Нет. Пытались удалить, но сразу начинается такое сильное кровотечение, что... при первой попытке Карло еле спасли. И с тех пор он очень... в общем, стал даже хуже. Еще немного, и дело дойдет до изгнания.

– Ясно, – повторила я. – Почему вы решили обратиться ко мне? Раз вы отправились в Бостон, значит, все варианты в Старом Свете уже испробованы, не так ли?

– Да, вы правы. Наши аналитики предложила обратиться именно к вам, потому что вы серьезно занимались аналогами эпидермиса и базальной мембраны на базе алхимии и биохимии. Ваши статьи на эту тему я прочитал все.

– Хм... – Я в задумчивости потерла подбородок. Да, действительно, в моей клинике целая лаборатория занималась

разработкой, так сказать, заменителя. Ну, например, в случае тяжелых ожогов, вместо того чтобы пересаживать собственную кожу пострадавшего, мы предложили покрывать пострадавшие участки особым составом. Не мудрствуя лукаво, мои сотрудники дали ему название – pellis. Под воздействием разработанных нами заклинаний, в течение нескольких часов наш pellis превращался в собственный эпидермис данного пациента.

Беда в том, что от идеи до ее воплощения мы прошли лишь часть пути. Примерно в трети случаев организм наотрез отказывался воспринимать наш состав...

Об этом я честно сказала графу Контарини, но тот замолчал головой.

– Две трети надежды лучше, чем полное ее отсутствие!

– Ну, хорошо, предположим, что я могу попробовать, ничего не обещая. Но, как я поняла из обмолвок окружающих, сам молодой человек может и не согласиться еще на одну операцию.

– Я давал слово его отцу, – тяжело произнес Пьетро. – Если Карло попытается отказаться, я свяжу его словом долга перед кланом.

– Хорошо. Когда это будет?

– Завтра.

– Приезжайте ко мне после разговора с Карло, и мы продолжим. Я живу теперь...

– В Ка'Виченте. Я в курсе. Благодарю вас, синьора, – граф

склонился к моей руке.

Возвращаясь в бальный зал после беседы с Пьетро, я столкнулась нос к носу с Франческой. Ну, то есть, конечно, это она меня узнала – кошачью маску я несла в руке. Просто забыла надеть.

– Я думала, ты не придешь сегодня! – удивилась я. – Как Мария?

– Все хорошо, слава светлым богам, – она осенила себя знаком Единого. – Да я сюда и не пошла бы, но примчалась Маргарет и вытолкала меня с требованием: найти тебя и пригласить прийти к ней на чашку шоколада. В любое удобное для тебя время.

– Спасибо, – я пожала плечами. – А с чего вдруг?

– Мария – ее любимая внучка. Самая младшая, да еще и самая способная, как оказалось. И на Маргарет она похожа как две капли воды. Поэтому свекровь за ее спасение готова на тебя молиться. Нет-нет, – Франческа замахала руками. – Ты можешь даже не говорить, что ты тут ни при чем и это организм сам справился. Я-то была рядом и понимаю, что мы все были так растеряны, что просто не успели бы помочь...

– Хорошо, как скажешь. Конечно, я с удовольствием увижусь с твоей свекровью. Правда, завтра у меня встреча...

– С Пьетро, – подхватила женщина. – Ну, конечно, ты же сегодня с ним должна была переговорить! Значит, завтра он будет уговаривать Карло, а потом отправится к тебе.

Мы нашли пару свободных кресел в тихом уголке и сели, взяв с подносов по бокалу шампанского.

– Расскажи мне об этом Карло, – попросила я.

– Вообще-то, я очень мало его знаю. Другая ветвь семьи, да и младше он намного. Но он странный. И всегда был таким, даже до появления этой жуткой маски.

– Странный – злой, угрюмый, распушенный, грубый? Какой?

– Замкнутый. Холодный. Молчаливый. Иногда вдруг будто взрывается, и тогда его начинает нести; вот в такие моменты он надевает gnaga, шатается с какими-то странными компаниями, приводит женщин... Нет, я плохо его знаю, правда; в основном по рассказам Витторе, сама-то я и видела его всего несколько раз, на каких-то торжествах. А почему ты спрашиваешь?

– Понимаешь, такого рода проклятие, как на него наслали, штука очень сложная. Не всякому полному магистру по силам. А тот молодой маг, брат девушки, о котором мне рассказал Пьетро, как я поняла, до магистра не дорос. Магию крови в университетах не преподают, ее можно изучить только на основе личного ученичества. И я почти уверена, что за спиной страдающего брата скрывается фигура его учителя.

– Ну... тогда, получается, маги клана должны были бы об этом знать.

– Получается, да. Но Пьетро мне об этом не сказал ни слова. Почему?

Франческа надолго задумалась, а я глотнула шампанского и посмотрела на нее повнимательнее. Собственно говоря, мы знакомы чуть больше суток. Как бы она ни была мне симпатична, я ее совсем не знаю. Правда, в момент отравления девочки она была максимально искренней, но вот насколько ей можно доверять?

С другой стороны, а кому вообще в этом мире я могу доверять?

По дороге домой...

Домой! Вот же тьма, я поняла вдруг, что не только называю Ка'Виченте домом, но и ощущаю его именно так. Гораздо больше мой дом, чем квартира в Бостоне или загородный дом моей матушки... Ну и хорошо. Мне понравилось теплое чувство, возникшее от взгляда на светящиеся окна Ка'Виченте.

Так вот, по дороге домой я думала о двух вещах: во-первых, о Маргарет. У этой женщины странное для Венеции имя, и я не понимаю пока, чего она от меня хочет. Для того, чтобы поблагодарить за внучку, можно было встретиться со мной на одном из ближайших мероприятий или прислать письмо. А если уж ей хотелось сделать это лично, так можно было бы и с визитом в мой дом прийти. Но графиня Контарини предпочла меня к себе пригласить. Только мне в этом мерещится некий взгляд свысока?

Получается, что меня хотят втянуть в некую интригу...

Почему-то люди (и нелюди тоже) чаще всего считают профессора медицины неким неземным существом, далеким от мирских забот и низменных устремлений. А зря. Принцессы не какают бабочками.

Моя матушка, одна из дам-патронесс бостонского высшего света, легко и непринужденно даст фору любой венецианской интриганке. А если меня рассердить, так я вспомню, чему у нее научилась.

Пожалуй, я уже начала сердиться. И для начала посмотрю, кто же эта женщина, пригласившая меня на чашку шоколада: Сеть пока никто не отменял, и в Ка'Виченте она работает отлично.

Во-вторых, я думала о будущем пациенте, Карло Контарини-Маффео. Да, получается, я уже решила попытаться помочь ему, раз воспринимаю именно так, пациентом. Конечно, мне нужно будет посмотреть воочию на пресловутую маску, понять, как она соединена с кожей... И, если мы решимся на операцию, мне понадобится ассистент.

Ближе всего клиника Motta di Livenza в Медиолануме, и с ее главным врачом, профессором Родерико Ди Майо, мне доводилось вместе оперировать. Если он на месте и сумеет выкроить пару дней в своем графике, будет замечательно.

Но в любом случае прежде всего нужно прояснить многие вопросы с Пьетро и посмотреть пациента.

И очень любопытно: чем сможет расплатиться со мной семейство Контарини?

Руди снова встречал меня у входа, проводил по лестнице вверх, потерся о ногу, коротко мявкнул и ушел по своим делам. Несмотря на поздний вечер, почти уже ночь, ждала моего возвращения и синьора Пальдини. Она поинтересовалась, чего я желаю на завтрак и в какое время его подать, и вслед за котом растворилась в февральской темноте. Спать мне совершенно не хотелось, и я пошла по новой осматривать свои владения. Итак, что я не разглядела? Ну, например, будуар... Кстати, что можно делать в будуаре, а?

Возле высокого окна, глядящего на Гранд-канал, стояло широкое мягкое кресло, как раз такое, чтобы сесть в него с ногами и смотреть на разноцветные огни гондол, освещенные окна зданий напротив, розовые и золотые цепочки уличных фонарей. Я так и сделала: налила себе в стеклянную, конечно же, кружку горячего вина с пряностями из приготовленного тут же на столике термоса, забралась с ногами в кресло и стала смотреть на канал. Очень хотелось, чтобы все мысли из головы улетели, стала бы она пустой и восхитительно легкой...

Напрасно.

Отключиться не получилось, поэтому я допила глинтвейн и отправилась по своим владениям дальше. Гардеробная, спальня, кабинет... О! Кабинет! Я ж хотела посмотреть в Сети информацию о графине Маргарет Контарини.

Конечно, компьютер довольно сюрреалистически смот-

релся на письменном столе в чиньском стиле. Стол на тонких гнутых ножках, из дерева, покрытого черным лаком; верхняя крышка обтянута алой кожей, а медные ручки дверец и многочисленных ящичков сделаны в виде карпов. Однако компьютер на алой кожаной поверхности был самой последней модели, и Сеть здесь работала отлично. Итак, Маргарет...

Через полчаса я откинулась в кресле и озадаченно потеряла кончик носа. Как я и предполагала, свекровь Франчески не была венецианкой. Она оказалась младшей дочерью герцога Саффолка, кузена бритвальдского короля Кристиана. Магия воздуха и жизни, в клане на ней лежит работа семейных виноградарей и виноделен. Ого, как интересно! Я думала, супруга графа занимается только делами дома Контарини, хозяйством, так сказать, а у нее две лично ею выведенных лозы и десяток золотых медалей с винных выставок по всему миру... Пятеро детей: старший Джакомо, второй – известный мне Пьетро, далее Витторе, Оливия и Маттео.

Опять вопрос – а почему в отдельный дом, Контарини-Боволо, выделили третьего сына, Витторе? И что это – наказание или поощрение?

Я отключила компьютер, пометив себе в блокноте все вопросы, которые хочу задать. Торопиться мне некуда, этот ребус я решу раньше или позже. А сейчас надо ложиться спать, потому что завтра многое должно случиться.

Расправив на манекене свое фиалковое платье, я подошла

к одному из зеркал. Оно холодно отражало полки и вешалки с моими вещами, мое усталое лицо и растрепанную причёску, раскрытую дверь в спальню. Я погладила серебряные виноградные лозы, свивавшиеся в раму, и отправилась умываться. Надо еще завтра попытаться Франческу, что-то она такое говорила про здешние зеркала?

Наутро сигнал коммуникатора прозвучал ровно в тот момент, когда у меня был полон рот зубной пасты. Понятное дело, пока я дочищала зубы и все это выполаскивала, загадочная ранняя птичка отключилась, номер не определился. Следующий раз колокольчик прозвенел на первом глотке кофе. Но, услышав голос Пьетро Контарини, я могла только тихо вздохнуть и любезно поприветствовать его:

– Доброе утро!

– Доброе утро, синьора Хемилтон-Дайер! – голос графа прямо-таки излучал оптимизм. – Если я приеду к вам вместе с Карло примерно через час-полтора, вам это будет удобно?

– Конечно, приезжайте. Буду вас ждать.

Одним глотком я допила кофе и отправилась одеваться.

«Вот не буду сегодня наряжаться и играть в карнавал, – бубнила я себе под нос, выкапывая из чемодана джинсы и хлопковый джемпер. – Не хочу, я современная женщина, для меня длинные юбки неудобны и неуместны». Оделась, взглянула в зеркало и разочарованно поджала губы. Вчерашняя Нора явно была интереснее сегодняшней.

Руди и синьора Пальдини проводили визитеров в гостиную. Кот подошел ко мне, потерся о ноги, строго взглянул на представителей клана Контарини и важно удалился, подрагивая хвостом. Горничная принесла поднос с кофе и сливками, и нас наконец оставили одних.

Я рассматривала молодого человека.

Серебряная маска была частью лица. Вот как бы это объяснить... Наверное, можно сравнить это с губами – кожа другого цвета, но нет шва, физической границы между тем и этим участками тела. Так было и тут: вот серебряная поверхность, сверкающая металлом, вот теплая кожа шеи и уха. Цвет и даже текстура разные, а граница между ними лишь визуальная.

– Можно потрогать? – спросила я, прерывая молчание.

Карло дернул головой, обозначая согласие.

Я прикоснулась к маске – холодная, чувствуется металл. К коже – теплая, живая. К границе... не понимаю. Пальцы не чувствуют здесь ни тепла, ни холода, только... пустоту проклятия?

Встав, я прошлась по гостиной, подошла к окну и посмотрела на Гранд-канал. Потом вернулась к гостям, встала перед Карло и сказала:

– Я могу попытаться помочь вам. Если операция пройдет удачно, мы снимем с вашего лица эту маску и заменим ее специальным составом, который через несколько дней превратится в настоящую кожу лица.

Темно-серые глаза смотрели на меня сквозь прорези маски, и я не могла понять их выражения. Пьетро поспешил ответить:

– Мы согласны.

– Подождите, это не все, – я покачала головой. – Три-четыре дня, и вы получите то лицо, которое захотите. Дадите мне портрет, каким вы были до... проклятия, – будете таким. Нет – покажете желаемое лицо и получите его. Но есть одно «но».

– Какое? – нетерпеливо выкрикнул Карло. – Да говорите же, Темный вас побери!

– Карло! – попытался одернуть его родственник.

Я жестом заставила его замолчать и продолжила, глядя прямо в серые грозовые глаза:

– Поначалу это лицо будет столь же выразительно, как нынешняя серебряная маска. Постепенно вы сами сделаете его вашим настоящим лицом. На нем будет отражаться каждый ваш поступок, дурной или хороший; любовь, ненависть, равнодушие – все это нарисует на чистом полотне ваш новый облик. Все будет зависеть только от вас, Карло.

Молодой человек помолчал, потом спросил тихо:

– Такой... как бы Дориан Грей наоборот?

– Да. Именно. Дориан Грей наоборот, – согласилась я.

– Нет, – он встал и пошел к двери; остановившись в проеме, повторил, не поворачиваясь: – Нет!

И вышел, беззвучно прикрыв дверь.

Старший Контарини закрыл руками лицо и минуту просидел молча. Потом оторвал с усилием ладони от глаз, сказал глухо: «Спасибо!» – и встал.

– Сядьте, Пьетро, куда вы спешите? – спросила я спокойно.

– Чего ради теперь мне отнимать ваше время?

– Вы ничего не поняли, дорогой мой. Он уже согласился. Я даю ему десять минут на то, чтобы вернуться. Выпейте пока еще кофе или, может быть, чего-то покрепче? Погодите-ка...

В кабинете я достала из шкафчика, на красном лаке которого были вырезаны пышные пионы, бутылку, поспешно вернулась в гостиную и дернула за шнурок колокольчика. Синьора Пальдини выросла на пороге, кажется, раньше, чем звон колокольчика затих в глубине дома. Я показала ей бутылку, она кивнула и через мгновение уже внесла поднос с широкими бокалами-«тюльпанами», вазочками с орехами и кусочками пармезана. Плеснув в бокалы по чуть-чуть, я протянула один моему визави.

– Что это? – спросил он без интереса.

– Подарок пациента. Получен от него через год после операции, – сказала я не без гордости.

Пьетро осторожно глотнул и задохнулся.

– Ого! Келимас?

– Пятидесятилетней выдержки, лучший купаж за последние сто пятьдесят лет. Все будет хорошо, поверьте.

Дверь в гостиную вновь открылась. Карло подошел вплотную к моему креслу, посмотрел сверху вниз и сказал:

– Я согласен.

Граф Контарини шумно выдохнул.

– Хорошо, – сказала я. – Мне понадобятся от вас ответы на некоторые медицинские вопросы, я пришлю вам анкету на электронную почту. Пожалуйста, постарайтесь отвечать как можно точнее и подробнее.

Молодой человек записал мне свой электронный адрес и посмотрел на дядю:

– Ты еще остаешься?

– Да.

– Ладно, тогда я пройдусь пешком... До свидания, синьора!

Изысканно поклонившись, он вышел.

– Итак?.. – я смотрела на графа.

– Итак, если не возражаете, синьора, я бы хотел обсудить ваш... гонорар. Правильно я понимаю, что деньги вас не очень интересуют?

– Да, это действительно так. Какие-то иные варианты существуют?

Пьетро усмехнулся и вдруг сделался молодым и невероятно красивым. Боги, так все это время у него было такое мрачное лицо, что он казался почти стариком! А на самом деле ему всего сто лет, для мага это молодость, которая будет длиться еще очень долго...

– Вы ведь уехали из Бостона не просто потому, что захотели попутешествовать, не так ли? – спросил он.

– Да.

– Расскажите?

Почему бы нет, подумала вдруг я. Может быть, это поможет мне избавиться от тяжелого чувства вины...

– Почему бы и нет, – повторила я вслух. – Полгода назад ко мне на прием пришла давняя постоянная пациентка, миссис Рубинштейн. Периодически она ложилась в мою клинику, чтобы привести в порядок лицо и фигуру. Ничего радикального, просто десять дней реабилитации после тяжелого труда светской жизни. Но в этот раз она пожелала именно что радикального. Миссис Рубинштейн в свои шестьдесят с хвостиком решила выйти замуж за молодого человека двадцати восьми лет от роду и желала на свадьбе выглядеть ровесницей будущего мужа.

– То есть она хотела повернуть время вспять?

– В общем, да. Причем немедленно. Она слышала о препарате *pellis*, который я упоминала сегодня, и потребовала полностью заменить ей кожу на лице на новую, созданную из него.

– Но вы же сказали, что это возможно? – граф Контарини слушал очень внимательно.

– Это возможно, – эхом повторила я. – Вашему племяннику двадцать пять?

– Двадцать четыре. Да, я понимаю, совсем иная биохимия.

– Нет, разумеется, если бы были медицинские показания, мы бы и к столетнему пациенту не задумались применить pellis. Но в этом случае я отказала наотрез. Миссис Рубинштейн ушла страшно разобиженная, грозила мне судебным иском и прочими неприятностями...

– И что, неужели она подала в суд, и вы просто уехали от этих... неприятностей? – теперь он смотрел слегка насмешливо.

– Нет. Она обратилась к другому врачу. И через три месяца пришла ко мне в вуали, а под вуалью было вот это, – я протянула Пьетро свой коммуникатор, где во всей красе было запечатлено новое лицо миссис Рубинштейн: перекошенный рот, потекшие скулы, заплавленные глаза, окруженные сеткой глубоких морщин, и, как венец всего, гладкий алембастровый лоб.

– Да-а-а... И как же это произошло?

– На тот момент pellis не был полностью разработан, существовал только в виде лабораторных образцов. Один из сотрудников моей клиники решил, что может позаимствовать флакон-другой, и передал их... ну, не буду называть имя этого хирурга. По-видимому, ее организм отторгал новую кожу, они накладывали новый слой... В общем, вот так. Миссис Рубинштейн потребовала, чтобы я это немедленно исправила. Я отказалась. Через два-три года можно было бы попробовать, но немедленное вмешательство было абсолютно исключено.

– И это произвело на вас такое впечатление?

– О нет! – я невесело рассмеялась. – Я, знаете ли, хирург со стажем, всякое видала. Но, вернувшись домой, миссис Рубинштейн покончила с собой, в предсмертном письме обвинив меня. И вот это уже, как вы выразились, произвело впечатление.

– Вас подвергли остракизму...

– Нет, ну что вы, кто бы себе такое позволил? Но у меня было ощущение, что за моей спиной все время звучит шепот, и я сдалась. Клиника работает, препарат доведен до ума и испытан, а я... уехала из Бостона. И не уверена, что хочу возвращаться.

– Да, я вас понял. – Он в задумчивости постучал пальцами по подлокотнику кресла, потом поднял на меня взгляд. – А что вы скажете о венецианском гражданстве?

– Гражданстве? – кажется, я вытаращила глаза. – Мне казалось, чужаку его получить невозможно!

– Все возможно, – усмехнулся Контарини. – Вот мое предложение, обдумайте его: гражданство Сиятельной Республики и этот дом в собственность – немедленно; место в Совете магов – через три года. Собственная клиника, если пожелаете, здесь или на Терраферме...

Я жестом прервала его.

– Клинику я точно не хочу, начинать все заново у меня духу не хватит. Место в Совете... не знаю, пока не понимаю, нужно ли мне это. Но я хотела бы кое-чего другого...

– Слушаю вас, – лицо моего собеседника сделалось сосредоточенным.

– В городских лавках артефакторов я обнаружила несколько весьма интересных амулетов. Мне сказали, что это местные разработки, но авторов назвать отказались. Мне хотелось бы узнать, кто автор, и поработать с ним, может быть, поучиться. У меня очень слабая магия воды, но дело в том, что там как раз и используются слабые потоки.

– А взглянуть на них можно?

– Разумеется, – я принесла из кабинета мою добычу.

Пьетро осмотрел амулеты и усмехнулся.

– Торнабуони. Это их разработка.

– И это значит, что?..

– Что вы можете получить автора на завтрак, жареным или отварным, если пожелаете. Так что, принято?

– Принято.

– Отлично, – он откинулся на спинку кресла и, казалось, расслабился. Неужели этот хищник, почти хозяин города, опасался, что я откажусь?

– Мне нужно будет съездить в Медиоланум, – сказала я. – Надеюсь, что мой коллега из Motta di Livenza сможет освободить пару дней, чтобы мне ассистировать. Но говорить с ним об этом по коммуникатору было бы невежливо.

– Понимаю. Благодарю вас, синьора. Клан Контарини уже второй раз в долгу перед вами, и я сам прослежу, чтобы долг этот был полностью оплачен.

Пьетро Контарини отбыл, а я пошла к своему ежедневнику проверить, какие приключения у нас намечены на сегодня. И что-то синьор Лаварди давно не появлялся?

Выяснилось, что мой *consigliere* приболел: температура, насморк, кашель...

— Ну, вы уже и сами стали ориентироваться в городе, словно истинная венецианка, — просипел он с экрана коммуникатора. — Простите, синьора, если подвел вас, но простуда в этих старых сырых домах подкрадывается иной раз весьма коварно. Я надеюсь, синьора Пальдини достаточно хорошо протапливает ваш Ка'Виченте?

Ладно, судя по красному носу и слезящимся глазам, он и в самом деле простужен... Пожелав синьору Лаварди скорейшего выздоровления, я вернулась к записям. Итак... сегодня только шелка из Комо, больше никаких вечеров, балов и концертов. Это приятно, можно будет лечь спать пораньше. Завтра среда, в одиннадцать у меня встреча с графиней Боттарди, а потом можно было бы сразу сесть в поезд и отправиться в Медиоланум. Танцы и оперные арии, на которые приглашают завтра вечером в Ка'Грифони, я вполне могу пропустить; переночую в Медиолануме, послезавтра утром поговорю с профессором Ди Майо и вернусь. На четверг назначен бал во Дворце дожей, и туда я пойду непременно.

Теперь главное, чтобы Ди Майо не укатил куда-нибудь «на

гастроли»: он любит поездить по дружественным клиникам с показательными операциями. Впрочем, мы все это любим...

– Родерико, добрый день! – сказала я темному экрану коммуникатора. Что за тьма, сейчас середина дня, час пополудни, спит он, что ли? – Это Нора Хемилтон-Дайер, если можете, ответьте!

Судя по встрепанному профессору, появившемуся на экране через какое-то время, он не спал, но занят был чем-то предосудительным. Да и ладно, пусть его; лишь бы сделал то, что нужно мне.

Все-таки ужасно неудобно жить без секретаря. Вот сейчас мне нужно взять билеты на поезд до Медиоланума, выбрать там себе отель, чтобы переночевать, заказать билет в Оперу – последние лет пятнадцать все это делала Альма, а теперь придется самой.

Ладно; я, конечно, справилась. Но, если предложение Пьетро Контарини будет принято и я поселюсь в Ка'Виченте надолго, Альме Хендерсон тоже придется пересечь океан!

Вот вроде бы недолгое дело, посещение выставки-продажи: час, полтора, ну, много – два. Так почему же я провела там почти пять часов, домой вернулась без ног, но зато приобретя шелка и изделия всех видов, типов и расцветок? А ушла я оттуда одна из первых, между прочим... Ладно, мои покупки привезут завтра, синьора Пальдини уже предупреждена, и они с Марией, моей новой горничной, все разберут,

развесят и отгладят. Все завтра, сейчас спа-а-ать...

Мне снилось, что только что я исполнила сложнейшую оперную арию и меня заваливают цветами. Все бы хорошо, но один из букетов настолько тяжел, что придавливает меня к земле, а розы шипами вонзаются мне в плечи. Дернувшись, я проснулась и пискнула от ужаса: прямо перед моим лицом в темноте спальни горели два круглых желтых глаза, а на груди лежала какая-то тяжесть. Я зажгла светильник и обнаружила, что Руди переминается на мне всеми четырьмя лапами, периодически вонзая когти, и неотрывно глядит мне в лицо.

– Кот, ты обнаглел! – рявкнула я, спихивая его на пол.

Руди сел на коврик возле кровати, обернул рыжий хвост вокруг лап и продолжил меня гипнотизировать.

– Чего тебе надо? – проворчала я уже чуть более миролюбиво. – Дверь открыта, иди по своим делам.

Кот подошел к открытой двери и уселся возле нее, явно призывая меня последовать за ним. «Вообще-то, – подумала я, – Руди в первый раз зашел в эту комнату за все время, что я живу в Ка'Виченте. Может, кто-то забрался в дом и он предлагает мне пойти и составить ему компанию в охоте на злоумышленника?»

– Ладно, подожди, я халат надену. Не хотелось бы простудиться, – я отправилась на поиски теплого халата, продолжая бурчать под нос уже себе самой: – Совсем с ума сошла. Уже с котами разговариваю...

Руди коротко мякнул за моей спиной, не то поторапливая, не то возражая против «котов» во множественном числе. Надев и туго завязав халат, я последовала за рыжим хвостом по лестнице наверх, на второй этаж, где были комнаты, предназначенные для прислуги. Я подумала было, что синьора Пальдини плохо себя почувствовала, но кот не остановился и вновь пошел к лестнице. Что там у нас, чердак? Вообще-то, на чердаке я еще не была, но почему ночью?

– Руди, – прошептала я. – Может, утром сходим?

Еще одно короткое «мя» было мне ответом. Кот уже стоял перед закрытой дверью и выжидательно на меня посматривал. Я пожала плечами и толкнула дверь; она беззвучно отворилась, и мы с котом, следом за летящим фонариком, вошли внутрь.

Чердак был большим. Очень большим. Дальний конец его терялся в темноте. Я зябко поежилась и прибавила света в фонарике.

– Ну, и что тут у нас?

Руди прошел мимо кресел, закрытых белыми чехлами, мимо горы чемоданов, миновал несколько сундуков (ох, надо будет потом сунуть в них нос) и остановился перед... чем-то, накрытым тканью. Зеркало или картина?

– Кот, ты уверен, что это можно трогать?

В ответ Руди боднул меня лбом в ногу и снова подошел к загадочному предмету.

Ну, ладно, не съедят же меня... Я потянула ткань, и она с

шуршанием сползла на пол.

К счастью, это не было зеркало; зеркала бы я не выдержала и понеслась бы вниз по лестнице с топотом и визгом. Ну, я так предполагаю.

Передо мной была картина. Портрет молодой женщины, написанный в полный рост, практически в натуральную величину. Дама была одета примерно в такое платье, какие я купила в ателье Флавиа: голубой шелк, кружева, пышные юбки. Стоя возле туалетного столика, боком к зрителю, она не то снимала, не то надевала маску-gatto. Подпись художника есть, но одни лишь инициалы, это мне не по зубам. А кто изображен, интересно? Я обошла картину и посмотрела на задник: там что-то было написано на латыни, но слишком уж вычурным почерком. Подозвав фонарик поближе, я всмотрелась и сумела разобрать надпись: «Герцогиня Лаура Виценте дель Джованьо. Писано в день ее двадцатилетия, 18 февраля 1788 года от О.Д.».

Хм, а ведь юная герцогиня стоит возле знакомого мне туалетного столика: розовое дерево, зеркало, окаймленное стеклянными лилиями, на ящичках резные накладки из слоновой кости... Готова спорить, именно на этот столик я сегодня утром положила ровно такую же маску!

– Очень интересно, Руди, но зачем ты меня сюда привел? Руди?

Но кота уже не было на чердаке.

Как ни странно, чердачное приключение отогнало от меня дурные сны, и до утра я проспала просто отлично. А утром, подойдя к окну будуара и посмотрев на Гранд-канал, только ахнула: вода залила всю набережную и подступила к домам. Над каналом висел густой туман, здания напротив лишь угадывались в этой жемчужной пелене. По каналу темными тенями скользили гондолы и катера, и лодочники перекрикивались протяжно.

– Сегодня высокая вода, не волнуйтесь, синьора, это хорошо, – сказала мне синьора Пальдини, принеся кофе и булочки. – Городские власти воспользуются случаем и почищают каналы. А то ведь стыдно сказать, но в районе Каннареджо в шаге от фундамента Ормезини все каналы зеленые и пахивают.

Она выразительно повела носом.

– Понятно, – сказала я. – Синьора Пальдини, я сегодня уеду и вернусь завтра вечером, скорее всего. Возможно, ко мне приедет гость, пожалуйста, подготовьте гостевую спальню. Или даже две...

– Хорошо, синьора, – пока мы разговаривали, домоправительница налила мне кофе, добавила туда взбитые сливки и точным движением нарисовала на их поверхности сердечко из тертого шоколада. Потом подала мне масло, свежую клубнику, тарелку с несколькими сортами сыра и остановилась в выжидательной позе.

– Замечательно, – искренне похвалила я, глотнув из чаш-

ки.

– Синьора, вы довольны горничной?

– Да, вполне.

– Может быть, стоило бы подумать еще об одной? Да и кухарка пригодилась бы... Бал не бал, но, раз уж вы поживете еще в Ка'Виченте, возможно, захотите и гостей позвать?

Ну вот. Я сама еще пока ничего не решила, а экономка уже все знает... Но мой голос уже сам собой выговаривал:

– А у вас есть кто-то на примете?

– Да, синьора!

– Хорошо. Вопрос со второй горничной решите сами, а вот насчет кухни... Я бы хотела проверить мастерство повара, прежде чем нанимать кого-то.

– Разумеется, синьора. Завтра по возвращении вас будет ждать ужин, приготовленный Джузеппиной Бассо.

Синьора Пальдини присела в реверансе и направилась к двери будуара, но я остановила ее вопросом:

– Скажите, а чьи вещи хранятся на чердаке?

– Э-э-э... ну, по-разному... – отчего-то глаза экономки скозились влево. – Что-то от прежнего хозяина осталось. Я и сама не знаю точно, что там лежит, давно не заглядывала.

– Понимаю вас, лестница крутая, подниматься тяжело... Знаете, а давайте я сама посмотрю, что там есть, – я радостно улыбнулась и протянула руку. – Ключ ведь у вас? Отлично, перед визитом к графине Боттарди как раз успею заглянуть на чердак. Раз уж мне здесь жить...

Экономка взглянула на меня без улыбки, покачала головой и, без единого слова сняв со связки, отдала мне один из ключей: старинный, латунный, с резной сложной бородкой, длинным штоком и завитками на головке. Я покрутила его в руках и сунула в кармашек джинсов.

Вагон слегка покачивался на поворотах, за окном проплывали распаханное поле, голые пока рощи и сады, виноградники, изредка вдалеке виднелся замок или вилла. Дорога шла в обход малых городов, но от вокзала в Медиолануме, Риме или другом крупном городе добраться до какого-нибудь небольшого городка обычно можно было за час-полтора. Разумеется, Венеция и здесь отличилась от всех прочих населенных пунктов, и венецианский вокзал был на Терраферме, в Местре. Так что после часовой беседы с графиней Боттарди я еле-еле успела на поезд. Хозяйка Ка'Боттарди вынула из меня душу, но сейчас, обдумывая результаты, я сочла беседу не только интересной, но и полезной.

Дом Боттарди, как и большинство венецианских кланов, специализировался на водной магии, однако известно ведь, Темный прячется в деталях. А детали-то были необычными.

Сочетание магии жизни с водной и воздушной позволяло магам этой семьи, например, ускорять или замедлять созревание фруктов, добавлять или снижать сахаристость винограда, делать отличные игристые вина; их парусные суда по скорости превосходили некоторые корабли, имеющие самые

современные двигатели на огненных элементах. В общем, Боттарди сделали упор на развитии не столько силы, сколько тонкости воздействия. И успех их ныне был очевиден.

Я же обсуждала с графиней Паолой медицинское применение этих наработок и уже пообещала испытать кое-что в ближайшее время.

Странно, но в джинсах, свитере и куртке я чувствовала себя неуютно. Оказалось, за какую-то неделю я привыкла к маскам и кружевам... Но, достигнув Террафермы, я вернулась из вневременья, из карнавала в 2184 год от Открытия Дорог. Здесь меня ждет клиника Motta di Livenza и профессор Ди Майо, современный номер в отеле Palazzo Parigi и кресло в ложе на представлении моцартовского «Дон Жуана» с великим Оттоленги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.